

The background of the cover is a dark blue forest at night, filled with numerous bright, multi-pointed starburst lights. In the center, a girl with braided hair, wearing a white dress with a grid pattern, stands with her back to the viewer, her right arm raised towards a large, bright starburst. Beside her, a dog with long, wavy orange hair sits, also with its back to the viewer. The overall mood is magical and serene.

ЛЕТО ПРИДЁТ ВО СНЕ
ПРИЮТ

16+

ЕЛИЗАВЕТА САГИРОВА

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Приют

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22166400

SelfPub; 2022

Аннотация

Недалёкое будущее... На Земле отгремела третья мировая война. Россия, оставшись в числе победителей, вновь нарекла Русью и с целью не допустить прежних ошибок, опустила железный занавес между собой и остальным миром. У власти встала православная церковь, которая вернула своему народу духовные скрепы и традиционные ценности. Больше нет алкоголизма и наркомании, безработицы и преступности, блуда и безнравственности. Но, как известно, за благополучие одних всегда платят другие. Это не повествование о великой борьбе и обязательной победе, это рассказ маленьких людей попавших в жернова Истории...

Елизавета Сагирова

Лето придёт во сне. Приют

Я только девочка. Мой долг
До брачного венца
Не забывать, что всюду – волк,
И помнить: я – овца.

Мечтать о замке золотом,
Качать, кружить, трясти
Сначала куклу, а потом
Не куклу, но почти.

В моей руке не быть мечу,
Не зазвенеть струне.
Я только девочка, – молчу.
Ах, если бы и мне,

взглянув на небо, знать, что там
И мне звезда зажглась,
И улыбаться всем глазам,
Не опуская глаз!

Марина Цветаева

Пролог

Мне было девять лет, когда я попала в коррекционный приют. Сюда все попадали по разному, но никто – от хорошей жизни.

Здесь были дети из малообеспеченных семей, родители которых не смогли позволить себе содержание очередного ребёнка, незаконнорождённые дети матерей-одиночек, дети-полукровки, зачатые от иноверцев, дети преступников, чьи родители отбывали заключение. И дети – сами преступники, дожидаящиеся здесь четырнадцатилетия для отправки в колонию.

Но я принадлежала к худшей категории. И самой редкой. Единственный в приюте ребёнок дикарей-беглецов. Так называли тех, кто, отринув новую власть, новые законы и православную веру, ушел в сибирскую тайгу жить своими автономными поселениями.

Не знаю, кому мы там мешали. У нас была небольшая деревушка с ласковым названием Маслята, огороды, скотина, охота и рыбалка. Мы не строили козней против государства и церкви. Мы просто хотели быть подальше от них. Но однажды с неба спустились вертолеты, из них выпрыгнули вооруженные люди в камуфляже и забрали всех с собой.

Детей повезли отдельно от взрослых и в другое место. Перед тем как меня оторвали от мамы, она успела шепнуть:

«Беги на запад!». Я, как и положено ребёнку, живущему среди бескрайних лесов, могла определить стороны света в любое время суток, но на тот момент была так напугана, что не успела никуда побежать, и беспомощно повисла в руках схватившего меня чужого человека.

В вертолёте нас везли недолго. Потом был уже самолёт, который перенёс меня в огромный город, такой шумный и дымный, что я подумала тогда, будто попала в ад. Тот самый ад, который, как говорили родители, не существует, а был придуман в старину, чтобы пугать неграмотных людей.

Нас снова везли – уже в закрытом фургоне, потом разделили, и я осталась наедине с чужими, странно одетыми людьми. А ещё через какое-то время оказалась в коррекционном приюте. Там меня мыли и переодевали, зачем-то заглядывали в глаза и зубы, вертели и ощупывали, роняя незнакомые слова: «прививки», «возможные инфекции», «рентген». И наконец: «карантин». После чего в мою руку воткнулась игла, и я погрузилась в спасительное забвение.

На карантине я пробыла несколько дней, пока делались всевозможные анализы, а со мной беседовал серьёзный дядечка со стёклышками на носу. Он осторожно расспрашивал меня сначала о самочувствии, потом о жизни в деревне и о родителях. От этих вопросов я неизменно начинала плакать, и тогда дядечка озабоченно бубнил в прижатую к уху маленькую черную коробочку: «Серьёзная психологическая травма... ребёнок дезориентирован... наблюдение психоло-

га...», а потом с жалостью смотрел на меня сквозь свои стёклышки.

И это был единственный человек, посочувствовавший мне за время моего невольного путешествия из родной деревни в коррекционный приют.

Приют представлял собой шесть зданий на большой, обнесённой бетонным забором территории, посреди соснового леса. В одном здании жили мальчики, в другом – девочки, в третьем находились школа и столовая, в четвертом – больница, куда, как и я, попадали на карантин новички. В пятом – администрация приюта и общежитие для его сотрудников. А шестое – церковь. Еще были будки охраны в разных углах территории. Стадион, игровые площадки для самых маленьких, искусственный прудик с рыбами. Чуть в стороне от жилых строений – небольшое сельскохозяйственное угодье с огородом и теплицами, призванными как обеспечивать приют своими овощами и зеленью, так и служить обучающим пособием на уроках садоводства.

Меня поселили в комнату на четырёх девочек моего возраста. Такие аскетично обставленные комнатухи здесь называли дортуарами. В дортуаре стояли две узкие двухъярусные кровати, длинный стол с четырьмя стульями, за которым нам полагалось учить уроки, и четыре шкафчика для хранения личных вещей. Вот только личного здесь у нас ничего не было (мою одежду – старенькие джинсы, свитер и сшитую из

шкуры лося безрукавку – забрали перед карантином, и больше я их не видела), лишь всё казённое. И пожалуй, единственное, что мне нравилось в моём новом жилище, – это окно. Высокое, закруглённое сверху, с широким подоконником, на котором было удобно сидеть.

Я далеко не сразу привыкла к местному распорядку. Этот мир был чужим для меня, и многих вещей я просто не понимала. Поэтому, вместо того чтобы, как все дети, ходить в школу и церковь, первые недели я по рекомендации дядечки со стёклышками посещала психолога.

Это была женщина средних лет по имени София Ивановна. Она носила длинную светлую косу, заплетённую на один бок, и улыбалась, никогда не разжимая губ. Но улыбалась часто и была со мной очень терпелива. Мы разговаривали часами. Первые дни говорила только она, а я загнанно молчала, глядя в одну точку, или плакала, но постепенно стала отвечать на вопросы, а ещё через какое-то время и задавать их.

Благодаря Софии Ивановне мне удалось кое-как разобраться с местом, в котором я оказалась, и с причиной, по которой меня сюда забрали.

– Твои родители и другие взрослые из вашей деревни, – неторопливо объясняла София Ивановна ровным, убаюкивающим голосом, – вели жизнь неприемлемую для православного человека, жили в дикости, в распутстве, в безбожии. Но что ещё хуже – учили этому своих детей. Церковь не может такого допускать. Мы заботимся, прежде всего, о вас.

На мои многочисленные вопросы о родителях она неизменно отвечала только одно: если я буду слушаться и хорошо себя вести, то обязательно увижусь с ними.

Поэтому, когда встречи с Софией Ивановной закончились и я зажила по обычному распорядку воспитанницы коррекционного приюта, главная цель, которую я себе поставила, – слушаться и хорошо себя вести.

Но, как выяснилось позже, София Ивановна обманула меня. Я больше никогда не видела своих родителей.

Глава 1

Пчёлка

Два года спустя.

– Пресвятая Троице, помилуй нас, Господи, очисти грехи наша, Владыко, прости беззакония наша, Святыи, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради-и-и! – прогремел батюшка Афанасий, и пришлось послушно подхватить:

– Господи, помилуй, Господи, помилуй, Господи, поми-и-илуй!

Мы, двадцать две девочки одиннадцати лет, в одинаковых длинных сарафанах, в одинаковых платках, завязанных под подбородком, стояли в церкви коррекционного приюта. Шла воскресная служба. Шла она уже долго, и мы устали опускаться на колени, снова подниматься, бить поясные покло-

ны, бить земные поклоны, креститься и петь бесконечные «аминь».

Чтобы хоть как-то развлечься, я украдкой поглядывала на своих одноклассниц. По их лицам было отлично видно, кто молится от души, а кто, как и я, ждёт не дожждётся конца службы. Вон Полина Заярова, не отрывает от батюшки глаз, на которых блестят слёзы. Её привезли сюда после того, как родители алкоголики умерли в один день, чем-то отравившись во время очередного запоя. И Полина задалась целью отмолить их грех. А вот Ярина Донаева, моя соседка по дортюару и лучшая подруга. Она стоит рядом, и я прекрасно слышу, что во время всеобщего «Ами-и-инь!», Яринка не издает ни звука, а просто беззвучно открывает рот. Жаль, что у меня так не получится – я одна из трёх девочек, которые несколько раз за службу должны петь соло. Голос мой кое-кому показался для этого подходящим. Я сама не очень-то горела желанием петь на службах, но соблюдала главное правило моей нынешней жизни – слушаться и хорошо себя вести.

– Слава Отцу и Сыну, и Святому Духу! – Батюшка Афанасий добавил децибел, и мы, синхронно опустившись на колени, склонили головы.

– Пресвятая Троице, помилуй нас. Господи, очисти грехи наша, Владыка, прости беззакония наша, Святыи, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради-и-и!

Настала моя очередь. Я набрала в грудь воздуха и затяну-

скачу?

Агафья, полная противоположность Марье, высокая, прямая, похожая на сухую палку, вдруг научившуюся ходить, – воспитательница нашей группы.

– Чего тебя на дерево-то понесло?

– Да так, – после недолго раздумья ответила я, – по тайге соскучилась.

Яринка виновато примолкла. А я подавила лёгкие угрызения совести за то, что солгала лучшей подруге. Нет, по тайге я, конечно, очень скучала, но на дерево полезла не за этим.

Церковь осталась позади, и я позволила себе стянуть с головы платок. Яринка сделала это ещё раньше, и теперь её ярко-рыжие волосы блестели на солнце.

Мы прошли мимо стадиона, где гоняли мяч мальчишки. Я посмотрела на них с привычной завистью – нам, девочкам, такие игры запрещались. Будущей жене и матери не нужно быть сильной и спортивной, на то у неё будет муж. Женская же сила в слабости и кротости. По крайней мере, так говорила наша Агафья.

Я не могла с ней согласиться, потому что росла там, где сила (общая, а не какая-то женская) нужна всем. Тайга не спросит твой пол, когда ты окажешься с ней один на один. В нашей деревне охотниками были как мужчины, так и женщины. Работать на огороде и со скотиной, строить избы, колоть дрова, удить рыбу, свежевать добычу и выделывать шкуры, шить, готовить умели все. И детей учили всему, не разде-

ляя на мальчиков и девочек. Потому что девочка, не умеющая добыть себе еду и разжечь костёр без спичек, погибнет, оставшись одна. И мальчик, не умеющий приготовить добытое, и сшить себе из шкур тёплую одежду, погибнет тоже.

Кому-то это может показаться преувеличением, ведь мы жили всё-таки в деревне, в домах, хоть и глубоко в тайге. Какой костёр, какие шкуры? Но это были необходимые навыки на случай, если придётся бежать. Бежать в тайгу, бросив всё, если придут те, кому негоден наш образ жизни. И я уверена, что кому-то удалось скрыться той страшной ночью, когда прилетели вертолеты. А именно благодаря этим навыкам уверена и в том, что они смогли выжить.

– Эй! – из раздумий меня вывел Яринкин голос. – Ты чего так на пацанов уставилась? Влюбилась в кого?

– В Муромца, – ответила я, и мы обе прыснули.

Муромцем прозвали учителя физкультуры у мальчишек, который полностью оправдывал поговорку о том, что мужчина должен быть могуч, вонюч и волосат.

Миновав стадион, мы направились к столовой – за воскресной службой следовал обед. На крыльце, поджав губы, высилась Агафья, поджидающая свою группу. В приюте детей на группы делили по возрасту. Восьмая группа – восьмилетние, девятая группа – девятилетние и так далее. За каждой группой закреплялся свой воспитатель (у мальчиков) или воспитательница (у девочек). Воспитательница – не то же самое, что учительница. Это, как нам объяснили, вторая

мама. Хотя любая из нашей группы одиннадцатилеток предпочла бы не родиться вовсе, чем у такой матери. И даже не сказать, что Агафья была злая или особо противная. Строгая – да, но надо признать, что в большинстве случаев строгая по здешним меркам обоснованно. Проблема заключалась в другом – она ни разу никого не приласкала и не похвалила. Если девочка вела себя хорошо или делала какие-то успехи, Агафья её просто не замечала, но вот стоило провиниться... Из всех воспитателей приюта Агафья чаще всего наказывала своих питомцев розгами. Ибо сказано в Священном Писании: «Урок же ему урок, лоза же ему лоза...»

Мне розог еще не доставалось благодаря всё тому же моему нерушимому правилу – слушаться и хорошо себя вести. Но когда мы приблизились к крыльцу и я увидела, как Агафья, не замечая других девочек, неотрывно следит за мной, у меня зародилось нехорошее подозрение, что шанс отведать лозы наконец-то появился. Ноги ослабли, я невольно замедлила шаг. Что, если Агафья узнала о том, зачем я вчера лазила на дерево? Ой...

– Дарья, – сухой голос Агафьи заставил меня замереть на ступеньках крыльца, когда я уже было подумала, что всё обошлось, – Дарья, задержись.

Вообще-то никакая я не Дарья. Имя, данное мне при рождении, – Дайника. Дайна. Дайка. У нас в деревне никого не называли именами, распространёнными за её пределами, – мы не хотели иметь ничего общего с тем, что было приня-

то там. Поэтому родители просто придумывали имена своим детям или брали их из прочитанных когда-то книг или просмотренных фильмов. И те, кто не родился в деревне, а пришел в неё уже взрослым, тоже переименовывались, как хотели. Получалось очень интересно и разнообразно, не то что здесь, где у каждого в приюте насчитывалось по несколько тёзок, и для того, чтобы различать этих детей, приходилось добавлять к имени фамилию.

Но через пару месяцев после того, как я попала сюда и начала привыкать к местным порядкам, Агафья отвела меня в церковь, где батюшка спросил, не хочу ли я принять крещение в православную веру? Вопрос был риторический – на самом деле моё мнение никого не интересовало. По закону всем отказывающимся креститься место отводилось только в тюрьме, как иноверцам, или того хуже – атеистам.

И меня окрестили Дарьей.

Я остановилась, уважительно склонив голову:

– Да, сударыня?

Агафья молчала, пока все мои одноклассницы не прошли мимо и не скрылись за дверями столовой. Потом сухо бросила:

– Приподними подол.

– А... что?

– Ты слышала, Дарья. Приподними свой подол.

Недоумевая, я ухватилась обеими руками за ткань сарафана и приподняла его, открыв ноги до середины голеней.

– Выше! – велела Агафья.

И тут я увидела. На подоле двумя пятнами проступала кровь. Очевидно, во время ходьбы мои коленки начали кровоточить сильнее, а я и не заметила. Но делать нечего – пришлось поднять подол выше и продемонстрировать Агафье боевые раны. Она несколько секунд молча их разглядывала, потом спросила голосом, не предвещающим ничего хорошего:

– Что с тобой произошло?

– Я упала...

Мысли метались в голове, как испугнутые воробьи под куполом нашей церкви. Сейчас Агафья спросит, где я упала. А если она уже знает? И тогда моя ложь станет ещё одним поводом для наказания, да ещё каким! Уж за что, а за ложь наша воспитательница карала со всей строгостью.

– Где ты упала?

Решив – будь что будет, я принялась отчаянно врать.

– Вчера после обеда я вернулась в дортуар, чтобы взять тетрадь по истории... Потому что... потому что утром её забыла. А потом, чтобы не опоздать на урок, очень торопилась, споткнулась и упала на дорожке.

Это походило на правду – в приюте дорожки между строениями были вымощены крупным гравием, и чтобы, упав на них, содрать колени в кровь, особых стараний не требовалось.

– В таком случае, – так же холодно продолжала Агафья, –

почему сразу после этого ты не обратилась в медпункт?

– Я опаздывала на урок, – пробормотала я, уронив голову на грудь.

– Такое рвение к знаниям похвально. – В голосе воспитательницы проскользнула ирония. – Но почему ты не сделала этого после уроков?

С перепугу на меня снизошло вдохновение, и я, вполне естественно всхлипнув, выдавила:

– Потому что сестра Марья стала бы меня мазать йодом. А я боюсь... от него еще большее.

Голос Агафьи слегка смягчился:

– Глупая. Сестра Марья обрабатывает ссадины не йодом, а перекисью водорода. Сейчас же ступай к ней. И... Дарья, посмотри на меня.

Я подняла глаза. Агафья выставила перед собой указательный палец, как делала всегда, собираясь сообщить что-то, по её мнению, очень важное.

– Запомни накрепко – ты будущая женщина, а значит и будущая мать. Твоё тело не принадлежит тебе одной. Та, которая не заботится о своём здоровье, не заботится и о здоровье будущих детей. Есть ли для женщины более тяжкий грех?

Она приподняла брови, давая понять, что ждёт ответа.

– Нет, Агафья Викторовна... то есть да... то есть нет, не существует грех...

– Иди уже, – махнула рукой воспитательница. – Я возьму

в столовой порцию на тебя.

– Спасибо, Агафья Викторовна. – Я снова склонила голову и заторопилась к больнице, не веря в то, что так легко отделалась. Упала на дорожке, ха! Только такая зануда, как наша Агафья, всю жизнь прожившая в четырёх стенах, может поверить, будто девочка, привезённая из тайги, способна упасть на ровном месте.

Но как оказалось, не только она. Сестра Марья поверила тоже. Она жалостливо охала, пока обрабатывала мне коленки, и костерила всех, кто, по её мнению, был виновен в случившемся. От архитекторов приюта, задумавших такое покрытие для дорожек, до министерства образования, установившего настолько короткие перемены между уроками, что дети должны второпях «сломить голову». В итоге мне даже стало стыдно перед ней за свою ложь.

Из медпункта я вышла с настолько туго перевязанными коленками, что ковыляла вразвалочку, не в состоянии согнуть ноги. Столовая уже наполовину опустела, но Яринка сидела на своем обычном месте, её рыжую голову было видно издалека. Рядом с ней на подносе стоял мой остывающий обед.

– Спасибо, что подождала. – Я неуклюже, боком, плюхнулась на стул, вытянув негнущиеся ноги перед собой.

– Ерунда, – отмахнулась подруга. – Ну что? Чего Агафья от тебя хотела?

Я коротко поведала события последнего получаса, и

Яринка заметно расслабилась.

– Молодца, выкрутилась. А то за лазанье по деревьям Агафья бы тебе всыпала! Она, наверное, и не думает, что девчонки такое умеют без помощи лукавого.

Я хихикнула и принялась за еду, но видела краем глаза, что Яринка не ест, а продолжает внимательно смотреть на меня. Какое-то время я упрямо пыталась этого не замечать, но потом со стуком положила ложку и повернулась к ней:

– Что?

– Может, всё-таки расскажешь, что ты там забыла, на этом на дереве? – Яринка хитро прищурилась.

Моя подружка – это вам не Агафья, её так просто не обманешь, слишком хорошо она меня знает. Да и не собиралась я обманывать, просто выжидала подходящий момент для разговора.

– Расскажу. Только после обеда и не здесь.

– После обеда? – Яринка возмущённо всплеснула руками. – Мы едем в музей анимации после обеда, забыла? А это через двадцать минут!

Я застыла с куском хлеба во рту. Забыла!

В свободные от учёбы дни администрация приюта частенько устраивала детям выезды в город на всякие культурные программы. Но наша группа вчера уже ездила в Новодевичий монастырь, а две поездки за одни выходные – такого ещё не было.

– Ну, Ярин... ну, значит, вечером расскажу. Так даже луч-

ше будет.

Яринка вроде как надулась, но я знала, что это не всерьёз, поэтому спокойно продолжила обед. А к тому времени как закончила, у меня созрел великолепный план.

Сейчас подойду к Агафье, продемонстрирую перебинтованные коленки и пожалуюсь на боль. Она, разумеется, оставит меня в приюте, по её мнению, это будет подходящее наказание – отлучить воспитанницу от поездки в город. За что наказание? Хотя бы за то, что забыла на урок тетрадь, из-за чего опаздывала, торопилась, и упала. Отсюда мораль: девочки, собирайтесь перед занятиями внимательнее, не то, как Дарья, в выходные будете сидеть в приюте.

А мне сегодня того и надо. Когда наша группа во главе с Агафьей уедет, никто мне не помешает уйти в дальний конец приюта, за прудик, туда, где деревья растут гуще всего. И осуществить задуманное. То, ради чего я вчера лазила на дерево.

Настроение моментально взлетело до высшей отметки, и это не укрылось от Яринки.

– Да! – радостно подтвердила она. – Две экскурсии подряд. Овечек стали чаще выводить пастись, к чему бы это?

– Тише ты! – привычно шикнула я, зыряка глазами по сторонам, но взрослых поблизости не обнаружилось, только на кухне гремела тарелками посудомойщица.

Была у Яринки очень вредная в нашем положении привычка – вслух говорить всё, что она думала. Поэтому, пока

подруга не решила углубиться в тему выпаса овец, я поспешила поставить опустевшую посуду на поднос и покинуть столовую.

Наша группа уже собиралась у крыльца, Агафья строила девочек по парам. Я решительно вдохнула и направилась к ней, демонстративно прихрамывая.

А дальше всё пошло так, как и было задумано. Воспитательница строго воззрилась на мои перебинтованные колени, потом на искажённое «страданием» лицо и назидательно изрекла:

– Дарья, ступай в дортуар! Ты сегодня никуда не едешь. А вечером еще раз покажешься сестре Марье. – Она оглядела притихших девочек. – Вот к чему приводит пренебрежение здоровьем. Уверена, если бы Даша сразу обратилась в медпункт, то сегодня уже чувствовала бы себя лучше и отправилась бы на экскурсию вместе со всеми.

Я уронила голову, изображая сожаление и раскаяние. Подъехал автобус. Многие девочки, перед тем как сесть в него, махали мне рукой и сочувственно улыбались, а Яринка шепнула:

– Я тебе расскажу всё, что увижу. Всё-всё-всё. Так что тебе покажется, что ты сама там была.

Автобус покатило прочь, а я, по-прежнему прихрамывая, на случай, если Агафья смотрит в окно, медленно побрела к жилому корпусу.

Торопиться не следовало. Для начала я поднялась в дор-

туар, где с огромным облегчением сняла дурацкий сарафан и надела повседневное платьице длиной чуть ниже коленей. Выше не разрешалось. Девочки, а тем более девушки, не должны показывать голые ноги. И не должны носить брюки. К последнему мне было особенно трудно привыкнуть. В Маслятах я всегда ходила или в джинсах, которые вместе с другой одеждой взрослые доставали через своих людей в ближайших населённых пунктах, или в сшитых вручную штанах. Тепло, удобно, практично, защищает ноги от крапивы и укусов насекомых. Можно бегать, играть, работать в огороде, ездить верхом и не беспокоиться за подол, который постоянно норовит или задраться, или зацепиться за что-нибудь. Но в приюте мне рассказали какую-то невероятную дичь о том, что брюки мешают черпать из земли женскую энергию. Я тогда еще не знала, что выслушивать подобное лучше молча, и наивно спросила у Агафьи, нужно ли тогда ходить и без трусов, ведь они наверняка тоже мешают черпать? Агафья покрылась красными пятнами и велела мне два часа стоять в коридоре носом в угол.

Теперь наступила очередь бинтов. Я аккуратно размотала их, только затем, чтобы намотать снова, но уже гораздо слабее, давая коленям возможность свободно сгибаться. Получилось далеко не так аккуратно, как у сестры Марьи, но под подолом всё равно ничего не было видно, так что это меня не беспокоило.

Переодевшись и перебинтовавшись, я влезла на подокон-

ник для изучения обстановки во дворе. По счастью, дортуар, в который меня определили, находился на последнем, четвертом этаже, и отсюда открывался вид почти на всю территорию приюта. Сейчас там было пусто – многие группы, как и наша, разъехались на воскресные экскурсии и прогулки. Только на стадионе играли в футбол старшегруппники, да у столовой чесали языками поварахи.

Из корпуса я вышла неторопливым прогулочным шагом. Прошлась по дорожкам, поиграла со струями фонтанчика перед школой и, обогнув стадион, как бы невзначай направилась к пруду. Возле него принялась собирать камни голыши и пытаться с их помощью пускать по воде «блинчики». И только тот, кто вдруг вздумал бы пристально наблюдать за мной сейчас, мог заметить, что часть собранных камней, тех, что поменьше, я не кидаю в воду, а опускаю в карманы. Когда же карманы раздулись и начали заметно оттягивать вниз подол платья, я отвернулась от воды и, прикрывая их растопыренными ладонями, не торопясь, направилась прочь.

Почти сразу за прудом и до самого забора густо росли деревья. Перед тем как шагнуть в их тень, я воровато оглянулась, но никто не следил за мной. И я нырнула в зелень и запах хвои. Нырнула так, что не шелохнулся ни один листочек, не хрустнул ни один сучок под ногами. Нырнула, бросая позади послушную воспитанницу коррекционного приюта Дашу, как бросают за спиной надоевшую и больше не нужную ношу. И под переплетение ветвей вошла уже Дайка

из сибирской таёжной дереvушки.

Территорию приюта отгораживал от внешнего мира бетонный забор. Не очень высокий, метра два с половиной, но с натянутой поверху колючей проволокой. В том месте, куда я пробралась, с обеих сторон к нему вплотную подступали ели и ясени. Здесь начинался густой смешанный лес – приют находился за городом. А как же иначе? Дети, даже такие бракованные, как мы, должны дышать свежим воздухом.

Я с сомнением посмотрела на ветки над головой, потом перевела взгляд на свои забинтованные коленки. Они сейчас не болели, но меня все равно грызли сомнения. Сумею ли я перелезть через забор после вчерашнего падения, да еще с полными карманами камней, оттягивающих подол? Или, чего доброго, опять свалюсь?

Я смогла. Да, намного медленнее, чем обычно, но вскарабкалась на дерево, а с его нависающей над забором ветки перебралась на другое дерево по ту сторону забора. И уже по нему спустилась на землю. Землю за территорией приюта.

Как всегда, этот момент доставил мне глубокое внутреннее удовлетворение, и я совершила своеобразный танец свободы – раскинула руки в стороны ладонями наружу и несколько раз подпрыгнула на месте от радости (из карманов посыпались камни). Конечно, эта свобода была краткой и иллюзорной, но сама мысль о том, что я делаю нечто запрещённое, поступаю по-своему, не спрашивая ни у кого поз-

воления, наполняла меня ликованием. Поэтому, не в силах заставить себя идти шагом, я побежала между деревьев, тихонько повизгивая от восторга и не обращая внимания на вернувшуюся боль в коленях. Жаль только бежать пришлось недолго. Я не могла себе позволить уходить слишком далеко и устроила свой тайник всего в паре минут ходьбы от забора. Просто вырыла ямку под стволом упавшей сосны и замаскировала отверстие дёрном вперемешку с прошлогодними листьями.

И сейчас, присев на корточки и разбросав маскировку, по локоть запустила руку в тайник. Под пальцами зашуршал целлофан. Ухватив его, я извлекла наружу пакет, а из пакета её – мою тайну последних дней, большую самодельную рогатку в черно-жёлтую полоску. Пчёлку.

Это место, благодаря которому можно так быстро и незаметно сбежать из приюта, я обнаружила три месяца назад, когда только сошел снег. Бродила одна без цели и, увидев нависающие над забором ветки деревьев, не колебалась ни секунды, хоть и знала, что самовольный выход за территорию считается одним из самых серьезных проступков. Особенно для девочки. Особенно в группе Агафьи. Но тогда я об этом не думала: ветер зовуще шумел в ветвях, сладко пахло хвоёй, руки и ноги привычно находили точки опоры, и я опомниться не успела, как уже спрыгнула на землю по ту сторону забора.

Это был, наверное, мой самый счастливый день за время пребывания в приюте. Я носилась по лесу как сумасшедшая, подбирала с земли охапки прошлогодних листьев и зарывалась в них лицом, обнимала деревья, качалась на ветках. И весь последующий день удача была со мной. Когда я вернулась к ужину, никто не заметил моего отсутствия и грязных пятен на одежде, никто не спросил, почему я такая румяная и взбудораженная. Яринка, конечно, и заметила бы, и спросила бы, но она была отправлена Агафьей на дополнительные занятия по рукоделию, поскольку не очень преуспевала в этом предмете.

С тех пор любая возможность использовалась мною для побега в лес. Но я была очень осторожна, и ни одна живая душа не знала о моих прогулках. Даже Яринка. Не то чтобы ей не доверяла, но что-то мешало мне поделиться с подругой. Какое-то интуитивное опасение спугнуть радость, растерять очарование своей тайны, облачив её в скучные рамки слов и предложений.

Прокол произошел лишь вчера, когда я перелезала через забор не налегке, как обычно, а с узелком, в который завязала всё необходимое для изготовления рогатки. Уже позже я сообразила, что было бы куда умнее сначала перекинуть на другую сторону узелок, а потом уже карабкаться самой. Но хорошая мысль приходит опосля. В итоге я очень обидно сорвалась с дерева почти у самой земли, что и закончилось ободранными коленями. Но моим планам это не поме-

шало, рогатку я всё равно сделала. Ничего сложного, да и не в первый раз, в конце-то концов. А поскольку рогатка являлась каким-никаким, но всё-таки оружием, тем более оружием ручной работы, то я украсила её полосами черно-жёлтой изоленды и нарекла ласковым именем «Пчёлка».

Какое-то время я с удовольствием разглядывала результат своих стараний, взвешивала то в одной руке, то в другой, гладила витки изоленды, натягивала и вновь ослабляла тяжи. А вдоволь налюбовавшись, повесила Пчёлку на шею и принялась деловито шнырять между деревьями, собирая сосновые шишки и укладывая в ряд на поваленный ствол, скрывающий мой тайник. Когда шишки выстроились по всей длине ствола, я остановилась, критически оглядела готовое стрельбище и осталась довольна.

Настроение вновь взлетело до небес. Я в лесу! Разумеется, это не тайга, и, строго говоря, даже не лес, а скорее, лесопарк, но достаточно того, что уже и не приют. У меня есть тайна, есть рогатка, действительно моя и только моя вещь, созданная мною, память о родителях и друзьях, о тайге и Маслятах. Изготовив Пчёлку, я словно вернула себе кусочек счастливой и вольной жизни, осколок прошлого. А Агафья далеко, и у меня полно времени, чтобы насладиться минутами свободы.

Припрыгивая, я отбежала от поваленного ствола, повернулась к нему лицом и, отвесив неуклюжий поклон, провоз-

гласила:

– Достопочтенные шишки! Не поможете ли вы мне поупражняться в стрельбе?

Шишки не возразили, и я сняла с шеи рогатку. А потом тело вспомнило давно заученные движения и зажило отдельной жизнью.

В левой руке сжать Пчёлку, правую запустить в карман, достать камень, вложить в кожеток, медленно натянуть тяжи, одновременно поднимая рогатку на уровень глаз, замереть так на какое-то время, и...

Руки пришли в движение. Десять выстрелов без единой паузы, и восемь шишек исчезло с поваленного ствола, словно их и не было. А две остались лишь потому, что из Пчёлки я стреляла впервые, а любая рогатка имеет свои неповторимые особенности и требует индивидуального обращения. Это вам не какой-нибудь фабричный арбалет, у оружия ручной работы есть душа и характер, который надо знать. Именно этим я и занималась сейчас – узнавала характер своего оружия и налаживала дружбу с ним. Характер у Пчёлки оказался лёгкий, и дружба ладилась.

Да, в Маслятах я отлично стреляла, уделяла этому много времени, и моим оружием были только рогатки лишь по причине возраста. «От отдачи ты улетишь дальше, чем пуля», – смеялся папа, когда я просила у него ружьё. Но я всегда знала, что настанет день, и не так уж долго его ждать, когда у меня будет свой огнестрел. Так бы и получилось, не

вмешайся церковь со своей заботой о людях, живущих в дикости, распутстве и безбожии.

Но сейчас я убедилась, что год, проведённый в приюте, его правила, запреты, его постоянное «ты-должна-вести-себя-скромно-и-прилично-потому-что-ты-девочка-будущая-жена-и-мать» не смогли заставить меня разучиться тому, что я умела раньше. И тем более разлюбить это.

От радости я снова попрыгала на месте, издавая победные взвизги, и опять вскинула рогатку, приготовившись расстрелять следующий десяток шишек.

– Однако снайпер.

Негромкий голос прозвучал слева и сзади.

Я замерла, как зверёк.

Сколько раз перелезала через забор, чтобы погулять в лесу, и никогда никого здесь не встречала, никогда даже не видела следов присутствия человека! Ни тебе брошенного мусора, ни костровищ, ни обломанных или срезанных веток. Поэтому голос, раздавшийся, словно из воздуха, подействовал на меня как гром с ясного неба. Через тело словно прошёл разряд тока, отчего оно стало ватным и неспособным двигаться.

Так я и стояла, замерев, забыв опустить рогатку, и только с нарастающим ужасом слушала звук приближающихся шагов. Шаги стихли у меня за спиной.

– Эй, – голос был уже не насмешливым, а встревожен-

ным, – Малявка, отомри!

Я отмерла. Не потому, что мне так велели, а потому, что называли малявкой. Ведь это означало, что подошёл ко мне кто угодно, только не воспитатель и не учитель, они не допускали подобных фамильярностей. Опустив Пчёлку, я, наконец, смогла повернуться.

Сзади стоял парень. Из приюта, но почти совсем взрослый – старшегруппник. Парень как парень: средний рост, русые волосы, серые глаза, школьная форма. И он был мне знаком. Нет, не лично. Старшие редко снисходили до общения с младшими, но я часто видела его в окно. Он бегал на стадионе, иногда с другими парнями, но чаще один. И в дождь, и в снег, и в июльскую жару, когда все отсиживались в прохладных дортуарах, он бегал по кругу долго и отрешённо, без остановок, не меняя скорости. Иногда, когда я сидела на подоконнике в одном из приступов тоски по утраченной прошлой жизни, то, бывало, следила за ним, как за секунд-ной стрелкой часов, просто потому, что взгляду было удобно зацепиться за равномерно движущийся объект.

Наверное, вид у меня был перепуганный, потому что парень улыбнулся и успокаивающе поднял перед собой ладони:

– Не бойся. Я никому не расскажу, что ты убегаешь из приюта. Я ведь тоже убежал, так что мы в одной лодке. Кру-говая порука, понимаешь?

Я кивнула, но продолжала молчать.

– Я просто засмотрелся, как ты стреляешь, – продолжал

старшегруппник. – Кто тебя этому научил?

Разлепив, наконец, губы, я ответила, только очень тихо:

– Папа.

Но он расслышал. И удивился.

– Батя учил тебя стрелять из рогатки? Девчонку?

На этот раз я сумела ответить громче:

– Да. Нас всех учили.

– Кого это вас? – Глаза парня вдруг расширились. – погоди, я тебя вспомнил! Ты же из дикарей!

От обиды я окончательно забыла о недавнем испуге, и ко мне вернулся голос:

– Сам ты дикарь!

Парень запустил руку в светло-русые волосы, растерянно взъерошил их и улыбнулся. Кажется, виновато.

– Ладно-ладно, не пузыришься. Просто я привык, что ваших так называют. А тебя точно вспомнил, твоё появление здесь много шуму наделало.

Лично я не помнила вокруг себя никакого шума. Хотя это неудивительно, я вообще мало что помнила из того ужасного отрезка времени, когда меня выдернули из привычной жизни, как попавшуюся на крючок рыбку выдергивают из озера – внезапно и навсегда.

– Можно посмотреть рогатку? – Парень протянул ладонь.

Я секунду поколебалась, но потом подала ему Пчёлку. Даже обрадовалась, что хоть кто-то сможет оценить мою работу по достоинству. И её оценили.

– Круто! – Парень вертел моё оружие так и этак, натягивал и ослаблял тяжи, прицеливался в пустоту. – И ты сама её сделала? Одна?

Я скромно кивнула.

– Тоже папа научил?

– Не... Делать научила мама, а папа – стрелять.

Парень внимательно поглядел на меня, словно только что увидел.

– М-да... по ходу там жилось интереснее, чем здесь?

На это я даже не сочла нужным отвечать, только пренебрежительно оттопырила нижнюю губу.

– Вещь! – Старшегруппник снова занялся рогаткой, – А где ты взяла такую резину? Прочная.

Я заморгала. Уставилась в землю. Парень правильно расценил мое замешательство и заулыбался:

– Да не бойся ты, мне можешь рассказать. Спёрла?

Он произнёс это так легко и весело, что я тоже улыбнулась.

– Ага. Грелку из медпункта. Из грелок самые лучшие резинки для рогаток получаются.

Парень вернул мне Пчёлку и вдруг спросил:

– А остатки грелки где? Выбросила?

Я возмущённо мотнула головой. Нас в деревне приучили ценить любые вещи. Всё может пригодиться, всё пойдёт в дело. Выкинуть что-то, пусть даже сломанное или испорченное, было почти преступлением.

– Слушай... – Парень замялся. – А ты не могла бы дать и мне полосу такой резины? На рогатку.

– Ты тоже умеешь делать? – Я огорчилась. Неужели мои навыки здесь не такие уж и особенные?

Кажется, моё разочарование не укрылось от старшего группника, он слегка усмехнулся и торопливо ответил:

– Да куда уж мне... у меня не было такой мамы, как у тебя. Я вот тут подумал, может, сделаем вместе? Ты мне покажешь как, вот и научусь.

Я удивлённо заморгала, а потом раздулась от гордости, впервые здесь почувствовав себя человеком, личностью, а не одной из множества марионеток, способной лишь на то, чтобы слушаться и хорошо себя вести. Мои умения оказались кому-то нужны, меня попросили об услуге! И кто? Почти взрослый парень! Чудеса.

– Давай! – быстро ответила я. – У меня для этого всё есть.

– Отлично! – Мой новый знакомый явно обрадовался. – Когда ты сможешь снова прийти сюда?

Когда? Завтра понедельник, шесть уроков, плюс домашнее задание...

– Завтра в пять, – неуверенно ответила я. – Или в шесть, как сумею прокрасться. Ты сможешь?

Парень непонятно усмехнулся:

– Я-то всегда смогу.

И от этих слов я и впрямь почувствовала себя малявкой.

Глава 2

Рога Дьявола

– Осторожно, больно! – Я подпрыгнула на стуле, и Яринка за моей спиной торопливо пробормотала:

– Ой, прости!

Мы совершали утреннюю процедуру причёсывания. В приюте девочкам до двенадцати лет полагалось носить две косички. Девочкам старше – одну.

В задаче заплести себе косички, ничего сложного нет. Подвох лишь в том, чтобы разделить волосы сзади идеально ровным пробором. Но тут схема была уже отработана.

Берётся два стула и четыре девочки (обычное количество девочек на один дортуар). Две девочки садятся на стулья, две другие встают у них за спинами и делают сидящим пробор. После чего сидящие быстро заплетают себе косы, и девочки меняются местами. Весь процесс занимает три-четыре минуты. Сейчас Яринка тонкой расчёской разделяла мне волосы на равные части, но при этом уже второй раз немилосердно их дёрнула.

Подруга со вчерашнего вечера была сама не своя, и я даже знала почему. Потому что после того, как она вернулась с экскурсии, я рассказала ей и о своей лазейке на свободу, и о Пчелке, и о парне-старшегруппнике, с которым познакомилась в лесу. Яринка пришла в невероятное возбуждение. Сначала она надулась на меня за то, что я так долго скрытни-

чала, потом потребовала в следующий раз обязательно взять её с собой за территорию приюта. И я пообещала, только не в следующий раз, а после того, как помогу своему новому знакомому смастерить рогатку. Потому что ему я пообещала раньше. Яринка для порядка снова надулась, но надолго её не хватило, и скоро она уже просила меня рассказать про него всё в подробностях. Чтобы задобрить подругу, я рассказала то, что знала сама, а это, как оказалось, совсем не много.

Парень учился в пятнадцатой группе, и звали его Денис. Но мне он разрешил называть себя Дэном. Я расценила это как жест доверия, потому что в приюте под угрозой строгого наказания запрещались искажения православных имён на западный манер.

Запад был нашим пугалом. Запад и обитающие там геи. О геях говорилось с таким ужасом и отвращением, что сначала я думала будто это чудовища-мутанты вроде тех, что, по слухам, завелись на Востоке после того, как туда сбросили ядерные бомбы. Или вообще нечисть, как лешие и кикиморы, которыми нас в Маслятах пугали взрослые. Поэтому я испытала немалое облегчение, когда выяснилось, что геи – это всего лишь мужчины, любящие друг друга.

Я тоже сказала Дэну свое настоящее имя, и он стал вторым человеком после Яринки, кто здесь называл меня Дайкой. Да и чего таиться? Я и Дэн уже стали заговорщиками и злостными нарушителями дисциплины. Уже сбегали за территорию, и собирались сбегать и впредь. Розги заслужили

сполна. Точнее, я заслужила розги, а старших наказывали по-другому.

Яринка всё это выслушала с выражением щенячьего восторга на лице, но даже она сразу подумала о последствиях.

– Ой, Дайка... если вас поймают за территорией по одному, то это полбеды. Но если поймают вдвоём...

Она не стала договаривать, да это и не требовалось. Самый страшный проступок для воспитанницы приюта (кроме побега, конечно) это – быть уличённой в отношениях с мальчиком.

– Так я же... – глупо пробормотала я. – Я же ничего... я вообще ещё маленькая.

– Зато твой Дэн уже большой, – возразила Яринка. – Он точно в колонию отправится.

– За что в колонию-то? – Возмущение получилось слабым и неубедительным.

– Так ведь, если вас поймают в лесу вместе, никто не поверит, что вы там из рогаток стреляли. Поэтому его, как старшего, – сразу в колонию. А тебя – через три года.

Четырнадцать лет – минимальный возраст, когда несовершеннолетний преступник может стать заключённым.

Услышав про три года, я немного успокоилась. Когда тебе всего одиннадцать, то три года – целая вечность. Но Дэн... ему-то уже пятнадцать!

– Вот-вот, – прочла мои мысли Яринка. – Так что слишком своими прогулками не увлекайтесь.

В её голосе я уловила нотки ревности и попробовала утешить себя тем, что подруга наверняка преувеличивает возможное наказание. Хотя кому из нас двоих лучше знать законы? Она, в отличие от большинства воспитанников, попала в приют не в младенческом возрасте, а лишь на год раньше меня.

Вообще Яринкина история была трагичнее моей, несмотря на то что родилась моя подружка в полной и порядочной семье. По крайней мере, так казалось со стороны. Но с первых лет жизни её существование было отравлено отношениями родителей. Нет, родители не ссорились – это нельзя было назвать ссорами, – мать просто боялась перечить отцу, когда он изводил и её, и дочь. Придирки, крики, вечное недовольство и рукоприкладство – это всё, что Яринка видела от него. И она очень быстро поняла, в чём кроется причина такого отношения, тем более что отец этой причины не скрывал и при каждом удобном случае упрекал жену за то, что родила ему дочь, а не сына. Забеременеть снова она почему-то не смогла, и это тоже ставилось ей в вину. Яринка помнила мать всегда молчащей, та редко улыбалась, ходила по дому, не поднимая глаз, и постоянно что-то мыла, стирала, готовила... Лишь по ночам, когда отец засыпал, мать и дочь могли посвятить время друг другу – они тихонько читали сказки на кухне, обнимались, смотрели в окно и мечтали о том, как однажды уедут далеко-далеко, только они вдвоём – без отца...

Но случилось другое.

Когда Яринке исполнилось восемь лет, мама вдруг расцвела. Нет, она по-прежнему одевалась серо и неброско, трудилась по дому и продолжала молчать. Но глаза её заблестели, щёки зарумянились, а походка стала лёгкой и пружинистой. И иногда, за рутинными делами, она, забывшись, улыбалась мечтательной, отсутствующей улыбкой. Яринка радовалась этим переменам, но была ещё слишком мала, чтобы задумываться об их причинах. Надеялась только, что за ними последует что-то хорошее.

Но вместо этого однажды, когда мамы не было дома, к отцу заявили двое полицейских и сообщили, что его жена арестована за прелюбодеяние.

Больше мама домой не вернулась. Той же ночью в камере она разорвала на полосы свое платье, связала их в одну веревку и повесилась на решётке.

Каким-то образом перед этим ей удалось уговорить одного из полицейских передать своей дочери письмо. Оно оказалось коротким и написанным так неразборчиво, что Яринке пришлось потратить немало времени на разбор написанного. Писала ли мама так нарочно, чтобы никто, кроме Яринки, не сумел прочесть её послание, или просто очень торопилась, было уже не узнать. Скорее всего, первое, потому что написаны были в письме такие вещи, за которые маме, не покончи она с собой, наверняка грозил бы второй срок.

Отец же ещё накануне, после прихода полицейских и из-

вестия об измене жены, пришёл в такое бешенство, что поломал, растоптал и выбросил все её вещи. И остался у Яринки на память о маме только сложенный вчетверо лист с неразборчивыми каракулями. Яринка спрятала его в щель под подоконником и перечитывала при каждой возможности, пока не выучила наизусть.

И вовремя. Через несколько дней после похорон Яринку забрали в коррекционный приют прямо из школы, чуть позже отец отправил туда же её немногочисленные вещи, и дома она больше не была. Отца с тех пор тоже не видела. Он воспользовался законным правом вычеркнуть из своей жизни ребёнка запятнавшей себя женщины. То, что Яринка в той же степени являлась и его ребёнком, значения уже не имело – отец ни разу не пришёл к ней, ничего не передал и не позвонил.

Пожалуй, спасибо ему за это. Потому что, если мне смириться с новой жизнью помогла надежда на встречу с родителями, то Яринка держалась за ненависть к отцу. Поначалу она отказывалась принимать местные распорядки, устраивала голодовки, прогуливала школу и воскресные службы, несколько раз была порота, но это только сделало её совершенно неуправляемой. Решив, что наказания страшнее уже не будет, Яринка докатилась до оскорблений взрослых и плевков в церкви, за что снова и снова получала розги. Неизвестно, сколько ещё продолжалось бы её вращение в этом замкнутом кругу, не окажись после очередной экзекуции ря-

дом с непримиримой бунтаркой сестра Марья.

Обрабатывая вспухшие красные полосы на коже плачущей девочки, она тихонько сказала:

– Если ты не перестанешь так себя вести, то, когда тебе исполнится четырнадцать лет, тебя отправят в колонию для несовершеннолетних преступников. А девочку, побывавшую там, никто никогда не возьмёт замуж. А главное – тебя, как носительницу плохой наследственности, лишат права рожать детей и стерилизуют.

Не сказать, чтобы Яринку это напугало, о чём она не замедлила сообщить сквозь всхлипы, добавив, где именно видела колонию, будущего мужа и саму сестру Марью. Та не обиделась, наклонилась к Яринке ещё ближе и вкрадчиво шепнула:

– Но тогда ты и в столицу никогда не сможешь вернуться, тебе разрешат жить только за сто первым километром. А ты ведь когда-нибудь захочешь снова встретиться со своим отцом, правда?

От неожиданности у Яринки остановились слёзы. Позже она поняла, что сестра Марья, прожившая столько лет в приюте, повидала много по разным причинам попавших сюда детей и прекрасно знала, о чём единственном сейчас может мечтать потерявшая всё, осиротевшая и избитая девочка. Знала – и использовала это знание, как способ обуздать мою подругу.

Убить отца. Вырасти, выйти из приюта, найти и убить от-

да – вот что стало тем, что заставило её, как и меня в своё время, слушаться и хорошо себя вести. Яринка изменила линию поведения, извинилась перед учителями и воспитателями, даже сходилась в церковь на исповедь.

И сейчас она ничем не отличалась от любой воспитанницы приюта – молчаливая, усердная на занятиях, лишней раз не поднимающая глаз. И только я одна знала настоящую Яринку – дерзкую, непокорную и бесстрашную.

Подруга разделила мои волосы на пробор и, подождав, пока я заплету обе косички и встану, плюхнулась на моё место, подавая через плечо расчёску. Шевелюра моей подруги имела тот редкий солнечно-медный цвет, за который, как нам рассказывали на уроках истории, в старину сжигали на кострах. Поэтому (а ещё потому, что глаза Яринки сверкали изумрудной зеленью, пухлые губы и правильные черты лица говорили о том, что вырастет она настоящей красавицей) некоторые девочки за глаза звали её ведьмой. Что Яринку совершенно не смущало и, кажется, даже радовало.

Я с наслаждением запустила пальцы в густые, блестящие локоны подруги. Мои собственные волосы, хоть и более длинные, были скучны, как пасмурный день. Такие же серые и невзрачные, абсолютно прямые, без малейшей игривой волны, они уныло свисали по плечам и спине. А заплетенные в косички выглядели, как два мышиних хвостика. Я вообще походила на мышшь. Даже папа часто окликал

меня: «Мышка!» Он говорил, – это потому, что я маленькая и шустрая, но подозреваю, внешность тоже имелась в виду, учитывая мои под стать волосам серые глаза и худое, заострённое личико. Вряд ли жизнь в коррекционном приюте прибавила мне очарования, так что рядом с Яринкой я смотрелась, как горстка пепла на фоне пламени.

Но, честно говоря, меня это не беспокоило. Я была ещё не в том возрасте, чтобы переживать из-за внешних данных. Скорее радовалась, что на меня меньше обращают внимания, и я (Мышка же!) могу незамеченной проскользнуть мимо учителей и воспитателей, в то время как Яринка неизменно цепляла их взгляды и вызывала придирки.

Пока я аккуратно разделяла на пробор роскошные пряди подруги, она нетерпеливо болтала ногами и косилась на наших соседок по дортуару, которые так же помогали друг другу с причёской. Это была наша давняя игра – кто быстрее закончит заплетаться. Мне она уже поднадоела, но Яринка ревностно следила за тем, чтобы я и она всегда выходили победительницами. И у нас это обычно получалось, но подозреваю, не потому, что мы преуспели в парикмахерском искусстве – просто у наших противниц волосы были не в пример длиннее наших – ниже пояса. Мои же доставали только до середины спины, Яринкины вообще едва прикрывали плечи. Объяснялось это просто – у нас в Маслятах длинные волосы не приветствовались, уход за ними отнимал слишком много времени, а время всегда требовалось на что-то более важное.

И если взрослые девушки и женщины ещё старались как-то с этим справляться, то детям оно было и вовсе ни к чему. Поэтому я никогда не носила волосы ниже плеч, и только здесь, в приюте, они начали отрастать. А Яринка свои сама время от времени подрезала, хоть это и было запрещено.

Но наши соседки – совсем другое дело. Несмотря на то что с ними судьба обошлась не намного лучше, чем с нами, они не утратили веру в правильность всего, чему нас учили. Обе находились в приюте с пяти лет, с того самого возраста, в котором осиротевших детей распределяли из домов малютки по приютам и интернатам.

Одна из девочек – голубоглазая, светловолосая, с длинным звучным именем Анастасия, но сама такая маленькая, худенькая и вечно чем-то испуганная, что звали её все только ласкательно-уменьшительно Настусей. Родители Настуси не были ни расписаны, ни венчаны, состояли в блудном сожительстве, но умудрялись это скрывать, пока не появился ребёнок. Когда же преступление раскрылось, их осудили за прелюбодеяние и лишили родительских прав. Ни отца, ни матери Настуся больше никогда не видела, и впредь видеть не желала, она была преисполнена стыда за родительский грех, за своё незаконное происхождение, и старалась забыть всё, что было с этим связано.

Вторая девочка, Зина, походила на Настусю не больше, чем Яринка – на меня. Смуглая, черноволосая и чернобровая, с необычным кошачьим разрезом карих глаз, она тоже

бросалась в глаза и тоже со временем грозила превратиться в красавицу. Но как раз необычная внешность и стала проклятием Зины. Мать зачала её от иноверца, одного из тех, что бежали с Востока после того, как туда сбросили ядерные бомбы. Её муж заподозрил неладное, когда увидел новорожденную Зину, разительно отличающуюся от других детей в роддоме. Была проведена экспертиза ДНК, которая и выявила его не причастие к появлению на свет смуглой и черно-волосой девочки. После чего мама Зины отправилась в колонию, а сама Зина – в дом малютки. Она, как и Настуся, осуждала свою мать, не хотела иметь с ней ничего общего и не терпела никаких упоминаний об обстоятельствах, при которых появилась на свет.

Думаю, что и Зине, и Настусе повезло больше, чем нам с Яринкой. Они не помнили родителей и не знали другой жизни, кроме той, какой жили сейчас. Их с пелёнок учили тому, что правильно, а что нет, как они должны себя вести, какими стать в будущем. И потому их желания и стремления были скучны, предсказуемы и правильны, как воскресная служба. О чём вообще может мечтать православная девочка, к какой цели стремиться? Выйти замуж, чтобы родить не меньше трёх детей, тем самым исполнив свой долг перед людьми и Богом. Вот и всё. Стремиться к чему-то большему для нас было не только бесполезно, но и небезопасно.

Поэтому и Зина, и Настуся послушно мечтали о чём положено, не смотря на то что их мечтам вряд ли суждено бы-

ло сбыться. У выпускниц коррекционного приюта почти нет шансов выйти замуж. Бесприданницы, сироты, с плохой наследственностью, с тянущимся за ними, как дурной запах, родительским позором... Кому они нужны, если полно чистых девушек из порядочных семей? Нет, нашим соседкам, как и нам, дорога после приюта была одна – в общежитие, на производство, до конца дней. У нас никогда не будет своего жилья – женщина на Руси может владеть имуществом, только став вдовой и унаследовав его от мужа. И если за осиротевшими мальчиками оставалось право наследования собственности их родителей, даже если те умерли или получили пожизненный срок, то девочки оставались ни с чем. И выход из этого «ничего» был только один – замуж. Полная безысходность.

Настуся и Зина спасались от этой безысходности мечтами о том, что они станут скромными, добродетельными и женственными, такими, что их просто не сможет не взять в жёны какой-нибудь хороший человек. Но мы с Яринкой смотрели на жизнь куда более цинично. И грезили об ином.

Я – как немного подрасту, убегу в тайгу и буду там искать деревню, наподобие Маслят, где живут свободные весёлые люди, где можно носить джинсы, лазить по деревьям и сколько угодно стрелять из рогаток. Кто знает – вдруг и мои родители тоже окажутся там?

Яринка мечтала убить отца. Дальше этого её планы не заходили. А может, заходили, но она предпочитала не расска-

зывать об этом даже мне.

Поэтому дружба с Зиной и Настусей у нас не заладилась. Нет, мы не ссорились, жили мирно, болтали по вечерам, обсуждали новости и даже помогали друг другу с домашним заданием, но никогда ни мне, ни Яринке не пришло бы в голову делиться с ними секретами или начать дурачиться, сцеспившись на полу, как это делали мы вдвоём.

Яринка заплела вторую косичку, перетянула кончик резинкой, соскочила со стула и радостно крикнула:

– Мы опять первые!

Настуся лишь бледно улыбнулась, а Зина из-под чёрной завесы волос пренебрежительно фыркнула. Похоже, ей, как и мне, эта игра уже надоела.

На завтрак мы отправились все вместе, но в коридоре разделились. Яринка придержала меня за локоть, подождала, пока девочки уйдут вперёд, и шепнула:

– Во сколько сегодня пойдёшь на свидание?

– Сама ты свидание! – зашипела я в ответ. – Где-то в шесть выйду, надо до ужина успеть.

– Слушай, – Яринка понизила голос до едва слышного шепота, – а может, вас надо прикрыть?

Я чуть не рассмеялась, но потом поглядела на грустное лицо подруги и поняла, что ей просто очень хочется быть причастной к моей тайне, сделать что-то запретное, хоть в чём-то пойти наперекор опостылевшим приятским прави-

лам. Вот только как?

Яринка правильно поняла моё молчание и тихонько вздохнула:

– Были бы у нас мобильники... Я бы позвонила, если бы тебя стала искать Агафья или ещё кто.

Если бы да кабы. Сотовыми телефонами владели только взрослые – учителя, воспитатели, охранники. Здешним детям запрещалось иметь такую роскошь, да и зачем? Кому звонить? Тем, чьи родители были живы, и так раз в неделю полагался один звонок со стационарного телефона в воспитательской. Друг другу? А смысл тратить деньги, если мы здесь и так все рядышком и никуда не денемся?

– Ладно, Ярин, – утешила я подругу, – весь день впереди, может, ещё что-нибудь придумаем.

День и правда весь был впереди и тянулся он сегодня, как нитка смолы вниз по сосновому стволу в моей тайге...

На уроке рукоделия я исколола себе пальцы и запутала мулине. На кулинарном чуть не сожгла запеканку. А на истории, отвечая у доски, так путалась в именах и датах, что учительница обеспокоенно спросила, хорошо ли я себя чувствую?

Яринка нервничала вместе со мной. Весь день я ловила её тревожные взгляды, а по образовавшейся складочке на лбу подруги, поняла, что она что-то усиленно обдумывает.

Во время обеда, без аппетита ковыряя ложкой в тарел-

ке, я пыталась понять, что заставляет меня так нервничать? Ведь сколько раз я уже убежала за забор? Со счёту сбилась! И ровно столько же раз меня могли увидеть там или хватиться здесь. Почему же именно сейчас так страшно? Потому что в этот раз я сбегаю не одна, а с *парнем*? Помилуйте, это могло бы привести в ужас Настусю или Зину, но не меня! Всё это молчаливое неодобрение, источаемое окружающими, даже когда мальчик и девочка просто останавливались в школьном коридоре, чтобы перекинуться парой слов, я никогда не понимала и не разделяла. В Маслятах мальчишки и девчонки играли вместе, дружили, а когда вырастали, то начинали встречаться друг с другом, и никто не видел в этом ничего плохого.

– Я придумала, чем помочь вам! – Голос Яринки вывел меня из задумчивости. – Я стану отвлекать Агафью!

Я честно попыталась представить, как это будет происходить в течении как минимум двух часов, но не смогла и сдалась.

– А-а...

– Предоставь это мне! – Яринка многозначительно подмигнула, складочка на её лбу разгладилась, глаза горели азартом и решимостью.

И я махнула рукой. В конце концов, если мне предстоит приключение, почему подруга должна себе в этом отказывать?

С Дэнном мы встретились там же, где и вчера. Когда я пришла, он уже сидел на поваленной сосне, под которой я устроила тайник. Увидев меня, неловко улыбнулся и отсалютовал открытой ладонью. Я подбежала и остановилась перед ним, запыхавшаяся и смущённая. Кажется, мы оба не знали, что сказать. Да уж, «свидание».

– Вот, – наконец заговорил Дэн, вытаскивая из-под куртки тряпичный свёрток, – я тут кое-что принёс для рогатки.

Он продемонстрировал мне моток чёрной изоленды и лоскут такой же чёрной ткани, видимо приготовленный для изготовления кожетка.

– Ну-ка! – Я сразу перестала стесняться и деловито выдернула лоскут из его рук. Повертела, помяла, порастягивала в разные стороны. Кожа. Причём хорошая, плотная. – Сгодится! А изолента зачем? У меня есть.

– На всякий случай. – Дэн покрутил моток на пальце. – У тебя рогатка чёрная с жёлтым, а я хочу полностью чёрную. Вот и подумал: вдруг твоей изоленды не хватит?

Я кивнула, брякнулась на колени и полезла рукой под сосну, в свой тайник. Выудила оттуда остатки похищенной из медпункта и разрезанной на полосы грелки, сунула Дэну. А следом достала тяжёлый нож, обёрнутый в промасленную бумагу.

– Ёкарный бабай!.. – негромко произнёс надо мной Дэн непонятные слова. – А это ты откуда взяла?

Мне было понятно его удивление. Нож выглядел угрожа-

юще – с тяжёлой рукояткой тёмного дерева и с очень широким, тускло поблёскивающим лезвием. Я даже на секунду замешкалась с признанием, всё-таки нож – это не грелка, и наказание за его кражу может быть не в пример суровее. Но с Дэном мы зашли уже достаточно далеко, так что не имело смысла что-то друг от друга скрывать.

– Из кухни. Этим ножом повар режет мясо...

– Уже не режет. – Казалось, Дэн с трудом сдерживал смех. – Как ты умудряешься всё тащить? Ведь и в медпункте, и на кухне всегда кто-то есть?

– Папа звал меня Мышкой, – не без гордости пояснила я. – Могу хоть куда проскользнуть так, что не услышит никто. Мы в тайге все умеем ходить неслышно... умели.

Дэн кивнул и снова перевёл взгляд на нож:

– Зачем он тебе?

– Ну как это?.. – Я поднялась на ноги с ножом в руках, и Дэн всё-таки расхохотался, наклонившись вперёд и упершись руками в колени.

– Извини, – выдавил он сквозь хохот, – но ты с таким ножом и в этом платье выглядишь, как девочка-зомби из японских ужастиков.

Из фразы Дэна я поняла только три слова: «нож», «девочка» и «платье», остальное прозвучало абракадаброй. Поэтому я просто стояла и ждала, когда он отсмеётся. А потом обиженно пояснила:

– Нож нужен, чтобы вырезать рогатульку из дерева.

Дэн изменился в лице, с досадой хлопнул себя по лбу:

– Ну конечно! А я об этом даже не подумал. Вот что значит лузер в таких делах! Приношу свои извинения, мастер, и снимаю перед вами шляпу! – И он с полупоклоном помахал воображаемой шляпой в воздухе.

Я кашлянула, входя в роль мастера, и неуверенно начала:

– Э... сначала я научу тебя выбирать дерево для рогатки, а потом и ветку на нём. Но здесь только сосны. Пойдём-ка вон туда...

Через десять минут я уже сидела верхом на почти горизонтальном суке клёна и пилила ножом одну из его веток, на которой приглядела развилку, идеально подходящую для рогатульки. Дэн стоял внизу и страдальчески морщился, потом не выдержал:

– Слушай, давай я? Ты, конечно, в этом лучше разбираешься и всё такое, но я сильнее. А то до ужина провозимся. – Не дожидаясь ответа, он полез на дерево, занял место на суку и забрал нож из моих рук.

Дело впрямь пошло куда быстрее, и скоро мы уже спустились на землю, обзаведясь отменной рогатулькой. Дальше было ещё проще. Тем же ножом мы вырезали из остатков грелки тяжи, продели их сквозь кожеток, пришили суровыми нитками, чтобы не скользил. Дэн настоял на том, чтобы всё делать самому, я лишь показывала, как надо. Работа шла в молчании, на разговоры мы не отвлекались и потому закончили даже раньше, чем я предполагала.

– Супер! – воскликнул Дэн, вытянув перед собой результат наших совместных усилий.

Его рогатка получилась больше моей и благодаря мрачному чёрному цвету выглядела куда серьёзнее.

– Как ты её назовёшь? – спросила я, любовавшись рогаткой вместе с Дэном.

Кажется, вопрос поставил его в тупик. Но ненадолго.

– Рога дьявола! – возвестил Дэн, то ли в шутку, то ли всерьёз, но я на всякий случай уважительно кивнула. Да и название на мой вкус получилось вполне удачным.

А потом мы отправились на стрельбище. Я сама в этот раз почти не стреляла, только учила Дэна. И он преуспевал. Да и «Рога дьявола» получились хорошим оружием. Мы так увлеклись, что очень быстро расстреляли все принесённые мной в прошлый раз камни. Немного полазили по траве, некоторые удалось найти и пострелять ещё чуть-чуть, но потом стало ясно, что без пополнения боезапаса не обойтись.

– Пойдём до пруда? – войдя в азарт, предложила я. – Наберём камней и обратно?

Но Дэн покачал головой:

– Нет, Дайка, мы и так уже задержались, надо возвращаться, пока про нас кто-нибудь не вспомнил.

Я сникла. Вся энергия и веселье, словно электричество, утекли через моё тело в землю, стоило вспомнить о возвращении. Видимо, с Дэном произошло то же самое. Молча мы уложили в теперь уже наш общий тайник рогатки и нож, при-

крыли дёрном, забросали листьями. Всё это время я мучительно разрывалась между смущением и желанием спросить у Дэна – встретимся ли мы ещё раз? Но он помог мне, заговорив об этом первым.

– Послушай, Дайка, – просто сказал Дэн. – Мне бы хотелось увидеться с тобой снова. Ты сможешь?

Я сначала торопливо закивала и только потом сообразила спросить:

– А... зачем? Ещё стрелять?

– Да. И не только. Давай присядем?

Мы опустились на поваленную сосну. Я отчего-то сильно разволновалась и спрятала ладони под мышки, чтобы не было видно, как подрагивают пальцы. Дэн снова хочет меня видеть! И если не для того, чтобы я учила его стрелять, то для чего? Неужели у меня в приюте появился ещё один друг? *Взрослый друг!* Это было так неожиданно и здорово, что просто не верилось.

– Ты умеешь хранить тайны? – спросил меня Дэн, и я опять поспешно кивнула.

– Мы с тобой в чём-то очень похожи, – медленно подбирая слова, продолжал он, – Мы оба родились в несколько... необычных семьях. Про тебя я знаю, вы – беглецы. Жили в лесу, отдельно от всех, по своим правилам. Но есть люди... которые думают так же, как взрослые из вашей деревни. Но они здесь, в городах. Среди остальных. Со стороны кажется, будто они живут как все, но они другие.

Дэн замолчал, и я несмело спросила:

– И твои мама с папой... другие?

– Да. – Дэн хрустнул пальцами. – Именно поэтому я здесь.

Так же, как и ты.

– А они? В тюрьме?

– Нет. Их казнили.

Я съёжилась— стало холодно.

– Почему казнили? Мои мама и папа в тюрьме.

Дэн быстро глянул на меня, вроде удивлённо, но сразу отвёл глаза.

– Потому что они... не просто были другими. Они хотели, чтобы все стали такими. Понимаешь, твои родители просто ушли подальше, они не мешали. А мои и такие, как они, хотели всё изменить.

– Зачем?

– Ну... а разве тебе нравится, как всё вокруг устроено?

– А как устроено?

Дэн запустил пальцы себе в волосы и потряс головой:

– Блин... ну почему ты не постарше?

Я растерянно моргала. Очень хотелось понять, что пытается сказать Дэн, но не получалось. Нравится ли мне, как всё устроено вокруг? Здесь, в приюте? Конечно, не нравится! Но ведь мама и папа Дэна не были в приюте, они хотели изменить что-то там, снаружи. Но откуда мне было знать, как обстоят дела снаружи, если я из Маслят сразу попала в приют? А когда нас вывозили в город на разные экскурсии и прогул-

ки, всё вроде было хорошо и даже красиво.

Дэн вдруг вскочил на ноги, но только затем, чтобы сесть передо мной на корточки и заглянуть в лицо.

– Дайка... нас здесь, в этом долбаном загоне, только двое таких. Тех, кто знает, что можно жить по-другому. И мы должны держаться вместе, видеться... разговаривать. Ты жила среди беглецов, в свободном поселении, ты можешь рассказать много такого, что поможет и мне, и тем... кто *другие*. Я тоже могу и хочу тебе помочь. Нельзя, чтобы ты здесь выросла очередной безвольной куклой, способной только рожать детей и ходить в церковь. Я расскажу тебе, как всё устроено, но не сразу, постепенно. Да я бы прямо сейчас рассказал, но ты... ты маленькая ещё. Ты многого пока просто не сможешь понять. – Он неловко усмехнулся и добавил: – Да и я, наверно, не настолько взрослый, чтобы правильно объяснить.

Из всего сказанного, я точно поняла лишь одно – Дэн хочет со мной дружить! А что ещё могли означать слова о том, что мы должны держаться вместе и помогать друг другу? Так делают только друзья!

Радостно взвизгнув, я подалась к Дэну и обняла его за шею, как иногда обнимала Яринку в порыве нежности. От неожиданности он покачнулся на корточках, вскочил и, взяв меня за плечи, отодвинул на расстояние вытянутых рук.

– А вот это ты брось. Если такое кто увидит, то будет... Ничего хорошего не будет.

– Никто не увидит! – пообещала я. – Мы же только здесь будем встречаться?

– Да, уж конечно, не в приюте. Но и здесь нечасто. Нельзя рисковать. Скажем, раз в неделю ты сможешь?

– Смогу! Два раза смогу!

– Посмотрим... – Дэн задумчиво глядел поверх моей головы. – Сегодня понедельник. Вот и давай в следующий понедельник в это же время.

Я разочарованно надулась – через целую неделю! Но возражать не стала, вспомнив, что Дэн рискует больше меня.

– А теперь пора возвращаться, – подвёл он итог. – Ты иди первая, я подожду минут десять и тоже пойду.

Я подумала, что надо что-то сказать на прощание. Что-то хорошее, чтобы Дэну стало приятно. Но ничего подходящего не шло в голову, а продолжать топтаться на месте становилось уже глупо. Поэтому я сказала просто:

– Спасибо!

Развернулась и побежала через лес к забору.

Радость переполняла меня, мысли метались в голове, как мотыльки вокруг ночного фонаря. А фонарём была одна-единственная главная мысль: у меня теперь есть ещё один друг! И не просто друг, а друг, с которым мы похожи. Он сам так сказал. Нас связывает тайна. Правда, я не совсем поняла, в чём же заключается эта тайна, но особо из-за этого не беспокоилась. Дэн же сказал, что всё мне расскажет и объяснит,

так чего переживать? И пусть до следующего понедельника ещё далеко, но зато у меня будет время придумать, о чём и я в свою очередь могу рассказать Дэну. Что именно он хотел бы от меня услышать, я тоже не поняла, поэтому собиралась вспомнить и рассказать как можно больше, тогда наверняка что-нибудь да окажется важным.

Взволнованная и увлечённая этими мыслями, я не сразу обнаружила некую странность. Время близилось к ужину. Обычно в этот час после занятий территория приюта была оживлена. Мальчишки гоняли мяч на стадионе, девочки прогуливались по дорожкам и кучковались на скамейках, малышня галдела на игровой площадке. Сейчас же вокруг царила тишина.

Это было так непривычно, что я невольно замедлила шаг, а потом и вовсе остановилась. Стояла, недоверчиво вертя головой. И никого не видела. Что за ерунда? Куда все подевались? Неужели мы с Дэном так увлеклись своими делами, что забыли про время и сейчас уже очень поздно?!

Но нет – светло же! Я посмотрела на запад, где солнце спускалось за лес. Всё верно, сейчас нет даже восьми. Определять время и стороны света по солнцу – это едва ли не первое, чему учили детей в Маслятах, на случай, если те потеряются в тайге. Так что здесь я ошибиться не могла.

Переставляя ноги медленно и осторожно, словно шла не по земле, а по ведущей через трясину гати, я снова двинулась вперёд. Прудик. Стадион. Мимо школы направо. Наш

корпус. На скамейке возле подъезда – одинокая фигурка. В косых лучах заходящего солнца огнём горят рыжие волосы.

– Яринка!

Она вскочила мне навстречу. Глаза – огромные. Но в них не испуг, а торжество.

– Ну, наконец-то! Всё хорошо?

– У меня-то да. А здесь что происходит? Где все?

Подруга, захихикав, потянула меня за руку, и мы оказались в кустах акации, высаженных под окнами корпуса. Когда ветки сомкнулись за нами, Яринка села прямо на землю и, указав рукой рядом с собой, пояснила:

– Пригнись, чтобы нас не увидели, пока говорим. А то всем велено сидеть по дортуарам.

– Да что случилось-то?

Невинно захлопав ресницами, подруга ответила:

– Как что? Я же сказала, что буду отвлекать Агафью, вот она до сих пор и отвлекается. А остальные с ней за компанию.

– Подожди... так это... Из-за тебя никого нет?

– Ну да! – Яринка с удовольствием вытянула перед собой ноги и гордо улыбнулась.

Чувствуя, что от всего произошедшего сегодня голова готова лопнуть, я взмолилась:

– Да что ты сделала?! Где все?!

Яринка было напустила на себя загадочный вид, но не выдержала и прыснула в ладошку:

– Я... аха-ха-а... я... ой... в вестибюле... Иисусу... аха-ха-ха... Иисусу пририсовала... это самое... – И она, бессильно откинувшись на ствол, принялась хохотать, зажимая себе рот руками.

– Что?! – потрясённо выдохнула я, пытаюсь убедить себя в том, что всё неправильно поняла. – Что ты сделала?

– Ну Иисусу нарисовала... хи-хи-хи, ой, не могу... ну то, что у мальчишек там должно быть.

Тут на землю опустилась и я.

На первом этаже корпуса напротив входа, у раздевалок, красовалась большая, от пола до потолка мозаика – распятый на кресте Иисус. И если это ему Яринка...

Обхватив щёки ладонями, как какая-нибудь Алёнушка с картинки из книги сказок, я простонала:

– Ты спятила! Ты знаешь, что тебе за это будет?!

Яринка уже утёрла выступившие от смеха слёзы и отдышалась.

– Да ничего мне не будет. Кто узнает, что это сделала я?

– А вдруг кто-то видел?

– Если бы видели – уже рассказали бы.

– Но ведь могут просто догадаться! Начнут всех перебирать, вспоминать, кто как себя вёл... А ты в церкви плевала!

Яринка беспечно махнула рукой:

– Это было давно. А если и вспомнят, на меня всё равно никто никогда не подумает. И знаешь почему?

– Почему? – послушно повторила я.

Яринка подалась ко мне и раздельно произнесла:

– Потому что я нарисовала Иисусу... это самое... не в нашем корпусе, а у мальчишек.

Я открыла рот. Закрыла. Снова открыла. А потом, как недавно Яринка, начала хохотать, уткнувшись лбом в колени и пытаясь заглушить собственный смех, прижимая руки к лицу.

Потому что это было гениально!

Никому не придёт в голову, что девочка могла зайти в мальчишеский корпус. Это было не только официально запрещено, но для всех обитателей приюта – и маленьких, и взрослых – *невозможно*. Настолько абсурдно, настолько дико, что легче было поверить в спускающегося с неба ангела, чем в одиннадцатилетнюю девочку, тайком пробирающуюся в мужские дортуары. Тем более с такой целью.

Яринка тоже засмеялась, и пару минут мы давились от хохота, валяясь на земле под кустами.

– А как? – наконец смогла выдавить я. – Как ты узнала, что там никого нет?

– Так сегодня же понедельник, – обессилен от смеха, выдавила Яринка. – Сегодня же футбольный матч был у старших парней. Вот все на него и пошли. А я к входу, по кустам, чтобы в камеры не видно было, потом внутрь по стеночке. И красным маркером...

Нас скрутил новый приступ хохота. Справившись с ним, я восторженно спросила:

– А что потом?

– Потом кто-то это увидел. Кипеж поднялся, прибежали все учителя и воспитатели, батюшка Афанасий голосил так, словно ему прищемили... то самое, что я Иисусу нарисовала...

Смеяться мы больше не могли и только застонали, держась за живот.

– А дальше?

– Дальше всех по корпусам разогнали. Взрослые где-то в школе собрались и до сих пор там торчат. Ну как? Хорошо я отвлекла Агафью?

– Ты чокнутая, – признала я с искренним восхищением. – Ты просто чокнутая!

Яринка потупила глаза с видом скромной победительницы:

– Ладно уж! Надо идти в дортуар, а то вдруг вернётся Агафья...

Мы вылезли из кустов и направились в корпус. Поднимаясь по лестнице, я прислушивалась к непривычной тишине. Не бубнили телевизоры в комнатах воспитателей, не звучали шаги по коридорам, не доносились голоса девчонок из-за дверей. Придавленные этой тишиной, и я, и Яринка, не стовариваясь, пошли на цыпочках.

В нашем дортуаре, на одной кровати, почти прижавшись друг к другу, сидели Зина и Настуся. Настуся прятала заплаканное лицо в ладонях, а Зина вскинула на нас сердитые чёр-

ные глаза.

– Вы где были? Сказано же – не выходить! Из-за вас и нам достанется.

– Уже и в туалет сходить нельзя?! – огрызнулась Яринка и бросила на меня многозначительный взгляд.

Поняв, что не имею подходящей легенды о том, где пропадала весь вечер, я забормотала:

– А я так... гуляла. У прудика.

– Вы знаете, что случилось? – всхлипнула Настуся.

– Н-нет. А вы?

Вместо ответа Настуся снова захныкала, и Зина пояснила вместо неё:

– Здесь дьявол появился.

Я чуть не села мимо стула, а Яринка торопливо закашлялась.

– Чего-о?

– Мы гуляли, вдруг Агафья прибежала, закричала, чтобы все шли по дортуарам и не выходили. Сама вся красная, лохматая. Мы в окно смотрели, там собрались все взрослые у корпуса мальчиков...

– Батюшка Афанасий кричал! – пискнула из ладоней Настуся.

Мы с Яринкой переглянулись.

– Ну? А дьявол здесь при чём?

– А кто ещё? – удивлённо спросила Зина. – Если бы что-то другое случилось, вызвали бы охрану, а не батюшку.

– А охрану не вызвали? – быстро спросила Яринка.

– Мы не видели. – Зина пожала плечами. – Да и что охрана делает дьяволу? Тут батюшка нужен, его и позвали.

Чтобы девочки не увидели мою дурацкую ухмылку, которая так и просилась на лицо, я полезла к себе на второй ярус кровати. Там легла, отвернувшись к стенке. Дьявол, значит? Ну правильно, кого ещё бояться, если ничего не понятно? Хотя скучновато, конечно, вот у нас в Маслятах детский репертуар страшилок был куда шире. Лешие, кикиморы, волки-оборотни, водяные, домовые, банницы! Тут же на все случаи жизни – один унылый дьявол.

Жаль только, что взрослые вряд ли спишут на дьявола Яринкину выходку. Они будут искать настоящего виновника. Потому что сделанное сегодня моей подругой – не просто хулиганство, а намного, намного хуже. Святотатство? Кошунство? Богохульство? Наверно, всё это сразу. Каким же должно быть наказание?

Приступ веселья и чувство безнаказанности постепенно сменялись страхом. Сейчас будут трясти всех мальчишек, а если кто-то что-то видел? Малейшее подозрение на Яринку, и ей припомнят всё! Плевки в церкви, отказ ходить на службы, безобразное поведение и грубость. Колония? Через три года. Нет, уже почти через два – Яринка на семь месяцев старше меня, осенью ей исполнится двенадцать лет.

При мысли о том, что подруга может исчезнуть из моей жизни, потряхнул озноб. Тогда во всём мире у меня не оста-

нется никого. Разве что Дэн... Но сегодня он хочет дружить со мной, а завтра вдруг передумает? Будет ли ему всегда интересно с девчонкой на четыре года младше его? Наверное, надо как-то срочно взрослеть...

В этот вечер ужинать мы пошли на два часа позже, чем обычно. После того как все прочитали молитву и расселись за столами, в столовой воцарилась непривычная тишина. Никто не шушукался, не обсуждал произошедшее, только стучали ложки. И старшие, и младшие ужинали молча, лишь бросая друг на друга подозрительные взгляды. Я тоже косилась по сторонам, пытаюсь заметить, не смотрит ли кто-нибудь слишком пристально на Яринку? Вроде не смотрели.

Воспитатели в этот раз не удалились в свою трапезную, как обычно, а присутствовали здесь же, молча сидели за свободным столом, глядя поверх голов. Это усиливало напряжение, и все буквально давились ужином, стараясь покончить с ним поскорее, чтобы покинуть, наконец, столовую. И в свободное перед сном время никто не стал сидеть в гостиной перед телевизором или гулять на улице. Все как один разошлись по дортуарам, где и затихли.

Зина и Настуся сразу стали укладываться спать. Мы с Яринкой, перемигнувшись, последовали их примеру. Расстелили постели, улеглись. Свет погас. Минут через десять, уже начиная дремать, я почувствовала лёгкий толчок снизу. Свесила с кровати руку и поболтала ею в воздухе. Это был

наш с Яринкой условный сигнал. Она на своём нижнем ярусе поднимала ногу и пихала пружины моей постели, приглашая спуститься. Я, если была такая возможность, спускалась. Но сейчас Зина и Настуся ещё не спали, поэтому и понадобился жест рукой, означающий «подожди».

Яринка подождала. Я чутко прислушивалась, а когда под нашими соседками перестали поскрипывать пружины, и вместо этого донеслось ровное сопение, осторожно спустилась вниз. Яринка приподняла край одеяла, пустила меня под него и накрыла нас обеих с головой. Лёжа рядом, почти соприкасаясь лбами, мы заговорили еле слышным шёпотом:

– Вы с Дэном сделали рогатку?

– Да. Хорошо получилось.

– Ещё увидите?

– Через неделю.

– Что делать будете?

– Разговаривать. Про родителей... и вообще.

– А мы с тобой когда в лес пойдём? Давай завтра?

– Ой, Ярин, наверно, надо подождать немного после того, что сегодня... Видела, какая Агафья злая? Сейчас как собака за всеми ходить будет.

– А когда тогда?

– Не знаю. Может, в четверг? Перед пятничными контрольными всем не до нас будет.

– У меня в пятницу продлёнка по рукоделию. Если домашку не сделаю...

– Это юбку?

– Ну. Не могу я! Все пальцы уже исколола, а получается коряво.

– Попроси Лильку Кушникову помочь. А ты ей за это будешь десерт с обеда отдавать. Мне она так фартук сшила.

– И долго отдавать?

– Как договоритесь. Я две недели отдавала.

– Ладно, спрошу. Всё равно не сошью сама.

– А на обеды мой десерт есть будем, пополам.

– Тогда в пятницу?

– Ага. Ладно, я к себе, спать.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Как ни странно, но так крепко и сладко, как сегодня, я не спала ни разу с тех пор, как покинула родную деревню.

Глава 3

Звездопад

В последующие дни всё постепенно улеглось. Про случай в корпусе мальчишек продолжали говорить и строить догадки о том, кто же мог оказаться виновником происшествия. В проделки дьявола, конечно, верили только самые младшие. Учителя и воспитатели расспрашивали детей, кого-то больше, кого-то меньше, кого-то вообще не трогали. И не было среди опрашиваемых ни одной девочки, что очень успо-

каивало нас с Яринкой. Никому, как мы и думали, не пришло в голову, что такое могла учинить девчонка. Мозаику с Иисусом отмыли, батюшка Афанасий провёл службу, где все дружно замаливали грех святотатства, воспитатели прочли своим группам нудные лекции об уважении к символам веры. Поскольку виновный так и не был найден, в среду перед занятиями директор приюта Пётр Николаевич, с трудом втащив свой внушительный живот на сцену в актовом зале, сообщил, что вручает наказание грешников в руки Божьи. И на этом дело закрыли, к нашему великому облегчению.

Несколько раз за эти дни я видела Дэна в школьном коридоре и на спортивной площадке. Однажды, когда мы встретились глазами, даже несмело подняла руку, собираясь помахать, но тут же торопливо опустила, обругав себя за неосторожность.

А в среду вечером Яринка, дождавшись, когда мы останемся в дортуаре вдвоём, и, забравшись ко мне на второй ярус кровати, спросила заговорщическим шепотом:

– Завтра?

Я не стала уточнять, о чём речь. У самой из головы не выходила предстоящая вылазка.

– Да. После полдника лучше всего. Я обычно в это время уходила.

Яринка закусила губу.

– Блин... Я не смогу после полдника. Мне надо юбку дурацкую шить, в пятницу сдавать.

– Ты что, не договорилась с Кушниковой?!

– Да говорила я с ней! Она не может, у неё самой какие-то там дополнительные занятия.

Я испытала досаду, к которой, однако, примешивалась немалая доля облегчения. Как ни любила я свои вылазки в лес, они никогда не обходились без страха быть пойманной. А идти вдвоём – двойной риск. Но как выяснилось, обрадовалась я рано. Потому что Яринка таким тоном, словно речь шла о чём-то самом обыденном, предложила:

– Давай тогда ночью?

Я уставилась на неё, пытаюсь понять, не шутка ли это? Выходить из корпусов после десяти вечера строжайше воспрещалось даже парням старшегруппникам, не говоря уже о младших. Не говоря уже о девочках.

– Спятила?

Яринка пренебрежительно фыркнула:

– А что такого?!. Агафья будет спать, ты же знаешь, что ночью она нас не сторожит.

Я знала. Комнаты воспитателей располагались на каждом этаже в начале коридора, напротив туалета и душевой. И когда ночью приходилось выходить по нужде, я всегда слышала из-за двери громкий храп Агафьи.

– А охрана? А камеры?

Яринка посмотрела на меня с грустным упрёком:

– Дайка, что ты дурочку из себя корчишь? Как будто не знаешь ничего.

Я знала. Как и все воспитанники приюта, прекрасно знала о том, что камеры, висящие над входами в корпуса и вдоль дорожек, захватывают не всё. Всем нам приходилось опаздывать на уроки, выбегать гулять в неположенное время, по той или иной причине стараться избежать встречи с воспитателями, и из уст в уста передавалась информация о слепых зонах, местах, не просматриваемых через камеры.

Яринка ждала моего ответа, и я вдруг разозлилась на себя. А правда, что меня так пугает? Кому надо следить за нами? И опять же, как в случае с Иисусом, кто подумает, что одиннадцатилетние девочки не побоятся отправиться в ночной лес? И потом, это должно быть здорово! Когда я в последний раз гуляла ночью? В Маслятах, целую жизнь назад!

– Давай, – сказала я, и Яринка неуверенно заулыбалась.

Дальше мы принялись было обсуждать детали предстоящей вылазки, но в комнату вернулись Зина и Настуся. Яринка скорчила недовольную физиономию и соскользнула к себе на нижний ярус.

Девочки принялись расплетать косы и расчёсывать волосы, готовясь ко сну. Я невольно залюбовалась иссиня-чёрной гривой Зины, укутавшей её до пояса. Она, словно почувствовав мой взгляд, обернулась, зыркнула необычными своими, по-кошачьи раскосыми глазами и вдруг спросила:

– Даша, а как ты стала певчей в церкви?

От неожиданного вопроса я растерялась и ответила не сразу.

– Ну как... батюшка Афанасий предложил Агафье, а она уже мне.

– А откуда батюшка Афанасий узнал, что ты умеешь петь?

– Да не умею я петь! Никогда не училась. Просто пела. А батюшка Афанасий услышал.

– Где услышал?

И чего она пристала? Но тут я заметила, что моего ответа с интересом ждут уже и Яринка с Настусей. Хотя о чём там рассказывать?

Когда я только попала в приют, выяснилось, что мне абсолютно не знакомы Библия, Закон Божий и вообще всё, без чего не должна мыслить своей жизни православная девочка. Когда батюшка Афанасий беседовал со мной в первый раз и спросил, что я знаю о Спасителе, я вспомнила мамины рассказы про море и ответила, что это тот, кто вытаскивает людей из воды, когда они тонут. Батюшка Афанасий размашисто перекрестился и, положив руку мне на макушку, молвил: «Ступай, дитя». А потом, как я узнала позже, отправился к Агафье и заявил, что нельзя допускать до школьной программы ребёнка, который путает Спасителя со спасателем. Таким образом полтора месяца я вместо школы ходила в церковь, где слушала о Боге и читала Библию.

Добрый батюшка Афанасий очень старался пробудить в моей душе искру веры, он воодушевлённо, иногда со слезами на глазах рассказывал об Иисусе, отдавшем свою жизнь во искупление человеческих грехов. Но я, воспитанная людьми

мыслящими исключительно рационально и практично, не понимала этого. Как может один человек отвечать за всех? И зачем? И разве не эти люди сами убили Иисуса? И почему Бог отправил своего сына умирать, вместо того чтобы просто взять и всем простить грехи, раз это было так нужно?

Я задавала эти вопросы батюшке Афанасию, и он принимался взволнованно говорить о самопожертвовании и Божьем Промысле, чем запутывал меня ещё больше. В итоге я поняла только, что лучше всего просто слушать библейские истории, как странную, местами нудную сказку, время от времени кивать, а в особо грустных местах делать большие глаза. Тогда батюшка Афанасий оставался доволен и отпускал меня пораньше.

Но кроме чтения Библии и разговоров с батюшкой, в церкви я слушала хор. Печальные тётушки в платках, называвшиеся почему-то сёстрами, протяжно пели под звуки нежной музыки, несущейся из невидимых колонок. Звуки поднимались вверх, плыли под купол церкви и возвращались оттуда звонким эхом. Это было красиво, и трогало мою душу куда больше, чем рассказы батюшки Афанасия о Божьих чудесах. Правда, слова в этих песнях звучали странно, некоторые я понимала, другие нет, третьи были вроде знакомы, но тётушки произносили их неправильно. Однако слова меня мало волновали, гораздо больше завораживало то, как здесь звучали голоса.

До этого мне никогда не доводилось бывать в помещении,

подобном церкви. В Маслятах все строения были маленькие, с низкими потолками, что, разумеется, не способствовало хорошей акустике. А вот петь там любили. Моя мама всегда пела, занимаясь домашними делами, пели девушки, собираясь вечером на улице, пели парни, аккомпанируя себе на стареньких гитарах, невесть как и когда попавших в нашу затерянную среди северных лесов деревушку. Пели и мы – дети. В основном когда отправлялись в тайгу за грибами или ягодами. Пение развлекало, помогало скоротать дорогу и оповещало диких зверей о приближении человека, что помогало избежать нежелательных встреч. Но никогда раньше я не слышала, чтобы человеческий голос лился так звонко и летел так высоко, как здесь, в церкви коррекционного приюта.

И однажды, когда батюшка Афанасий во время наших занятий зачем-то вышел, а больше никого рядом не было, я попробовала спеть сама. Взбежала на клирос и, подняв голову к куполу церкви, запела «Лето придёт во сне», или, как мы ещё называли эту песню, – медвежья колыбельная. Она была очень грустной, в ней рассказывалось про мишку, проснувшегося посреди зимы, про то, как ему одиноко и холодно и как он не может понять, что случилось с миром.

Песню эту мама пела мне – ещё совсем маленькой – перед сном, и часто я даже отказывалась засыпать, пока не услышу медвежью колыбельную. А позже и сама полюбила мурлыкать её вполголоса.

Но под куполом церкви голос мой полился чисто и звучно, зазвенел, полетел вверх, вернулся оттуда прозрачным эхом! Это привело меня в такой восторг, что я спела колыбельную два раза подряд и начала петь в третий, когда заметила, что в дверях стоит батюшка Афанасий и слушает меня, прикрыв глаза. Замолчав на полуслове, я втянула голову в плечи, спрыгнула с клироса и пристыжённо затрусилась к своему месту возле раскрытой Библии.

Батюшка подошёл, погладил меня по голове и непонятно вздохнул. В тот раз он ничего не сказал и никак не прокомментировал мои певческие способности. Но полгода спустя, когда наша группа разучивала воскресную службу, Агафья предложила мне стать одной из певчих, и я не увидела на то какой-то другой причины, кроме протекции батюшки Афанасия.

Всё это я рассказала девочкам и вопросительно посмотрела на Зину – довольна? Та пожала плечами:

– Странно как-то. Ты хорошо поёшь, но никак это не используешь.

– А как она может это использовать? – спросила со своей кровати Яринка.

– Ну, попроситься в церковный хор, петь не только на воскресную службу, а всегда.

– На кой чёрт?! – фыркнула я, и Настуся, до этого лежавшая неподвижно, укоризненно глянула на меня.

Зина возвела глаза к потолку, но терпеливо объяснила:

– Ты в будущем сможешь получить работу. Стать певчей в городской церкви. А там, глядишь, тебя заметит какой-нибудь мужчина и возьмёт замуж.

Внизу Яринка тихо буркнула что-то очень похожее на «срань господня», чем снова заставила набожную Настусю нервно ёрзать. А я задумалась над словами Зины. Петь в церковном хоре? Петь мне нравилось, но не то, что заставляли учить в церкви – бессмысленный набор непонятных исковерканных слов. «Иисус воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» – что это, вообще?! Как можно подарить живот, и зачем он нужен тем, кто «во гробех»? Я пробовала спрашивать об этом у бабушки Афанасия, но он пустился в такие путанные и долгие объяснения, что впредь я зареклась заикаться на эту тему. Живот так живот.

То ли дело медвежья колыбельная! Её поёшь и как живого видишь тощего бурого мишку, растерянного, бродящего среди сугробов и не понимающего, куда подевались трава и цветы, вкусные ягоды и пчёлы, несущие ароматный мёд? И жалко его, и хочется чем-то помочь, и голос от этого делается тонким и звенящим, и летит ещё выше, особенно когда затягиваешь припев:

– Просто ложись и спи, лето придёт во сне...

Только разве позволят мне во время службы петь про медведя?

– Да ну, – отмахнулась я от Зининого предложения. – Это

что, я должна буду, как наши певчие, постоянно ходить в платке и с кислой рожей? Не хочу.

Зина махнула на меня рукой и полезла под одеяло. Настуся последовала её примеру. Я же свесилась с кровати и, глянув на Яринку, многозначительно кивнула в сторону двери – «Пойдём, договорим?» Но Яринка с сожалением глянула на строго щёлкающие настенные часы, показывающие начало одиннадцатого. Впрочем, это нам не помешало. Под подушкой у каждой хранился блокнот с ручкой, как раз для таких случаев. Вооружившись ими, принялись писать и передавать друг другу записки в свете крошечных ночников, висящих над постелями. И ещё до того, как Агафья прошлась по дортуарам, веля всем гасить свет, план завтрашней ночной вылазки был готов.

Из комнаты Агафьи донёсся могучий всхрап, и Яринка шепотом запела:

– Нас крылом огородив, добрый ангел сны принёс...

С трудом сдержав рвущийся хохот, я пихнула её локтем в бок. Босиком, с распущенными волосами, держа обувь в руках, мы выбрались на лестницу и, переглянувшись, беззвучно засмеялись.

Весь день я нервничала и переживала, думая о предстоящей афере, и Яринка, судя по непривычной молчаливости, тоже. Зато когда время вылазки подошло, нами обеими овладело дурацкое нервное веселье. С трудом мы дождались по-

луночи, по очереди дежуря на подоконнике и следя за охраной. Охранники делали обход территории раз в час. И когда после двенадцати они прошли под окнами в обратном направлении, мы начали собираться. Осторожно оделись, стараясь не шуршать одеждой и настороженно поглядывая на наших, укрытых одеялами, соседок. Но те спали младенческим сном, и устроенной нами возни не слышали. Коридор мы миновали тоже благополучно, а на лестнице уже можно было и обуться.

– Во Агафья храпака даёт! – хихикнула Яринка, натягивая ботинки. – Если бы не знала, что это она, подумала бы – собака рычит.

Я шикнула на неё, но сама не выдержала и тоже захихикала. Так, хихикая, мы и стали спускаться. Двери, ведущие на другие этажи, были закрыты, но, учитывая то, что комнаты воспитателей находились у самых этих дверей, нам бы следовало вести себя потише. Однако странное, будоражащее кровь веселье не позволяло этого сделать.

Вестибюль на первом этаже встретил нас прохладой и приглушённым на ночь светом. Распятый мозаичный Иисус укоризненно смотрел со стены. Я вспомнила о том, что потерпел от Яринки его близнец в корпусе мальчишек, и снова не сдержала смеха.

Входную дверь на ночь закрывали на массивный засов, хоть и непонятно от кого. Я потянула его на себя, но он оказался неожиданно тугим.

– Блин... не открывается.

– Ну-ка, – Яринка встала рядом со мной, – давай вместе...

Раз, два, три!

Мы дёрнули одновременно, и засов, неожиданно поддавшись, лязгнул так, что эхо отозвалось на лестнице. Испуганно переглянувшись, мы, не сговариваясь, юркнули в приоткрывшуюся дверь и тут же прижались к ней спиной, одновременно глянув вверх. Там, хищно нацелившись единственным глазом на крыльцо, висела камера видеонаблюдения.

Скользя вдоль стены, прячась в её тени, мы добрались до угла корпуса. Дальше оказалось ещё проще. По газонам, вдоль подстриженных кустов, служивших отличным укрытием, до прудика, а уже там – рукой подать – густые деревья. Возле пруда мы задержались. Здесь предстояло миновать широкое открытое пространство, которое захватывала одна из камер, пусть и находящаяся в отдалении. Теперь всё зависело от того, насколько внимательна охрана.

Присев за скамейкой, мы набирались решимости для последнего рывка.

– Красиво как! – вдруг шепнула мне в ухо Яринка, и я скосила глаза на неё.

Подруга, подняв голову, смотрела в небо. Там висела половинка луны и бежали рваные облака. В прорехи облаков выглядывали мерцающие звёзды.

– Ты никогда не выходила ночью?

– Нет. – Яринка повела взглядом вокруг. – Только в окно

смотрела.

Я тоже огляделась. Такая привычная картина – школа, стадион, корпуса, деревья и дорожки между ними, сейчас, в уютном жёлтом свете фонарей, выглядели таинственно, почти волшебно. Вокруг было тихо и пусто. Я только теперь услышала, что воздух вокруг заполняет стрёкот сверчков, а откуда-то издалека доносится странный низкий шум, в который вплетается ритмичный перестук.

– Что это? – Я подняла палец.

Яринка прислушалась.

– Поезд где-то.

– Поезд? Я раньше их не слышала.

– Я тоже. – Подруга пожалала плечами. – Днём их не слышно, наверно, из-за другого шума. Тут и шоссе из города недалеко.

Я не стала уточнять, что не слышала поездов не только днём, а вообще. Маслята находились слишком глубоко в тайге, где на десятки, а может, и сотни километров вокруг не проходили железные дороги. Конечно, поезда мне не раз доводилось видеть в кино, но там они звучали совсем по-другому. Сейчас же звук поезда, постепенно затихающий вдаль, почему-то вселил в моё сердце странную печаль. И я прислушивалась к нему, пока Яринка не нарушила затянувшееся молчание:

– Ну что, рванули?

– А? А... давай. На раз-два-три?

Уповавая на то, что у охранников в их караулке есть занятия поинтереснее, чем неотрывно пялиться в мониторы, транслирующие изображение с камер видеонаблюдения, мы кинулись к деревьям с такой скоростью, на какую только были способны. Я успела увидеть, как в неподвижной воде прудика, не отставая от нас, мчится половинка луны и как отсвет фонарей играет на огненных волосах бегущей рядом подружки, а потом деревья и кусты надвинулись на нас, окружив спасительной темнотой.

– Есть! – азартно шепнула я, прижимаясь к стволу ясеня.

– Погоди радоваться. – Яринка настороженно оглянулась. – Если кто нас видел, сейчас прибегут.

– Не прибегут. – Как всегда, близость леса и свободы будоражила мою кровь и о плохом не думалось. – Пошли!

Я привычно заскользила между деревьями, Яринка двинулась за мной. Луна просвечивала между ветвей и листья, её свет пятнами и полосами ложился на траву, и полной темноты не было. Бетонный забор впереди тоже белел отражённым лунным светом.

– Здесь, – сказала я, останавливаясь. – Сейчас смотри, как полезу я, и лезь следом.

Может, у Яринки и не было такого богатого опыта карабканья по деревьям, как у меня, но она не сплеховала и спрыгнула на землю по ту сторону забора почти сразу за мной. Спрыгнула, выпрямилась и огляделась.

– Ну вот, – с гордостью произнесла я, поведя вокруг ру-

кой, – мой лес!

В лунном свете было видно, как трепещут Яринкины ресницы, а ноздри возбуждённо раздуваются, втягивая запах сосновой коры и свежесть ночной росы.

– Кру-у-уто! – наконец выдохнула она. – Куда теперь?

– Да хоть куда... гулять! – беззаботно отозвалась я и направилась прочь от забора.

Здесь деревья росли куда гуще, чем на территории приюта, лунный свет почти не пробивался между ветвей и листьев, поэтому идти приходилось медленнее. Но и торопиться было некуда. Я впереди, Яринка за мной, мы осторожно двигались между стволов, не слыша ничего, кроме шороха травы под ногами. Оглядываясь, я видела, как подруга пробует кончиками пальцев деревья, словно хочет удостовериться в их реальности. Меня саму не покидало ощущение не то сна, не то воспоминаний о тайге. И, усиливая эти ощущения, добавляя в них нотку непонятной щемящей тоски, вдали снова застучал колёсами поезд.

И пусть шла я без цели, но в итоге ноги сами привели меня к поваленной сосне. Мы присели на её ствол. Мои глаза уже привыкли к темноте, и теперь я любовалась ночным лесом, мазками лунного света среди веток и переплетением теней.

– Странно, – тихонько сказала рядом Яринка, – я всегда думала, что ночью в лесу страшно, а всё наоборот...

Я понимала, что она имеет в виду. Окружающая нас темнота не казалась чуждой или враждебной, не таила в се-

бе угрозу. Напротив, она укрывала нас и отгораживала от остального мира, создавая иллюзию полной безопасности. Приют с его правилами и вечной угрозой наказания в случае несоблюдения этих правил, отсюда казался почти несуществующим.

Яринка вдруг вскочила, отбежала в сторону и упала на траву «звёздочкой», разбросав в стороны тонкие руки и ноги. Тихонько засмеялась.

– Дайка, иди сюда!

Я было приблизилась к подруге, но замерла в нерешительности. Если сейчас замараю платье, завтра у Агафьи могут возникнуть неудобные вопросы. Грязная одежда на девочке – повод не только для наказания, но и для тщательного расследования того, каким образом девочка могла испачкаться. Ведь девочка не должна попадать в места и ситуации, где подобное может с ней произойти.

Яринка нетерпеливо похлопала ладонью по земле рядом с собой, и я снова почувствовала злость на себя. В кого я здесь превращаюсь? Как там сказал Дэн? Очередная безвольная кукла? Она самая! И насколько же далеко заведёт меня стремление слушаться и хорошо себя вести?

Решительно плюхнувшись в траву, не обращая внимания на сразу намокшее от ночной росы платье, я вытянулась рядом с Яринкой, которая тут же нащупала и сжала мою ладонь. Так мы и лежали довольно долго, держась за руки, глядя на раскачивающиеся над нами верхушки сосен, растворя-

ьясь в ночной тишине и ощущении свободы.

Яринка первой нарушила молчание:

– Вот бы остаться здесь жить. Построить шалаш... только ты и я, и никаких воспитателей, никакой школы.

Я мысленно согласилась, но с одной поправкой: чтобы с нами был ещё Дэн.

– Мама тоже сейчас в лесу... – совсем тихо добавила Яринка.

– Как в лесу? – не поняла я.

– Она самоубийца. Её похоронили не на кладбище, а за оградой. Прямо в лесу. А так даже лучше, красивее там. И тихо-тихо...

– Ты была на похоронах? – Обычно мы старались не заговаривать о прошлом, ничего, кроме тоски, это не приносило, поэтому я плохо была осведомлена о подробностях Яринкиной жизни до приюта.

– Да, меня соседка отвела. Отец не пошёл и меня не хотел пускать! – Яринкин голос задрожал от плохо сдерживаемой ярости. – Но соседка сказала, что это грех – не дать ребёнку попрощаться с матерью. Тогда он заткнулся. Нагрешить побоялся! А что сам маму довёл...

Я успокаивающе сжала Яринкину ладонь, и она, судорожно вздохнув, замолчала. Чтобы нарушить тяжёлую тишину, я спросила:

– Ты больше у мамы не была?

– Нет. Меня отец быстрее сюда сплавил. Я даже мамин-

но письмо не успела забрать из-под подоконника. Только бы он его не нашёл! Не хочу, чтобы трогал своими лапами... – Яринка вдруг резко повернула ко мне голову – волосы метнулись по траве. – Дайка, я же тебе не рассказывала, что мне мама писала?

– Нет.

Подруга снова уставилась в небо и вдруг заговорила тихим ровным голосом:

– Доченька, солнышко, рыжик мой золотой, не обижайся и не грусти. Я оказалась слабее, чем думала, прости меня. Постарайся стать счастливой, несмотря ни на что, это трудная задача, но ты всё-таки сумей. Помни о том, о чём мы мечтали. Всё, что я тебе рассказывала про волшебные страны, – правда. Жаль, что у нас оказалось так мало времени, и я не смогу отправиться туда с тобой, но ты справишься. Будь осторожна, не сдавайся и не останавливайся. Счастливого пути! Люблю. Мама.

Яринка замолчала. Я тоже не знала, что сказать. В глазах щипало от жалости и к ней, и к себе, но в то же время я испытала острое чувство дежавю. Что-то в этих словах казалось очень знакомым, совсем недавно я слышала нечто похожее... Похожее не словами, но вызванными эмоциями. Дэн? На этом же месте Дэн говорил про свою семью. Он говорил совсем другое и по-другому, но, слушая его, я испытывала похожие чувства.

– Яринка, – тихонько начала я, ещё не зная, как правильно

выразить свои мысли, – а что за волшебные страны?

– Ну помнишь, я тебе рассказывала? Как мы мечтали убежать от отца? Вот мама и говорила про страны за Занавесом, где всё не так, как здесь. И что туда реально попасть, только очень трудно. Но мы попробуем, когда я подрасту.

Чувство дежавю не исчезало. И тогда я задала вопрос, обращённый больше к себе, чем к подруге:

– Так твоя мама была *другая*?

И как ни странно, Яринка меня поняла. Может, сама думала о том же, а может, просто уловила ход моих мыслей, тем самым почти телепатическим чутьём, которого не лишены все дети.

– Да, она была не такая... не такая, как остальные женщины. Её поэтому отец никогда и не любил.

– А где?.. – Я невольно перешла на шепот. – Где эти страны, про которые она говорила? Как называются?

Яринка покачала головой:

– Не знаю. Мама говорила только, что они на Западе.

На миг я закрыла глаза и ясно увидела прорезающие тьму, шарящие по земле, очень яркие, но какие-то мёртвые лучи прожекторов. Услышала гул винтов вертолёта, на клочья разрывающих тишину ночной тайги. И горячий мамин шепот в самое ухо: «Беги на Запад!»

Мама, так ты имела в виду не сторону света?!.

Яринка рядом тихонько ойкнула, и я поняла, что слишком сильно сжала её руку, но не нашла сил извиниться. Вместо

этого сказала:

– Значит, нас не двое, а трое...

– Что? – не поняла подруга.

– Нас трое в этом долбанном загоне! – В моей памяти ожили и заиграли новым смыслом недавние слова Дэна.

Яринка пребывала в недоумении:

– Кого трое? В каком загоне?

Я перекатилась на бок, поворачиваясь к ней лицом. И пересказала наш с Дэном разговор, всё то, о чём умалчивала до этого. Не потому, что не доверяла подруге, но потому, что сама до конца не понимала. А теперь, кажется, поняла.

Яринка выслушала, не перебивая, вперив неподвижный взгляд в мерцающее звёздами небо. А когда я закончила, грустно сказала, подытоживая:

– Да, значит, моя мама тоже была *другая*. Она не хотела жить так, как живут все, не могла стать счастливой. И, наверно, ещё много чего мне бы рассказала, если бы так рано не умерла.

– Получается, что наши мамы хотели, чтобы мы убежали на Запад? В другие страны?

– Получается, да.

– Но как?

Яринка помолчала и рассудила совсем по-взрослому:

– Дайка, нам пока рано об этом думать. Сейчас мы ничего не сможем. Надо немного подождать. Стать хотя бы как твой Дэн.

Я кивнула и опять откинулась спиной в траву, вся во власти нового, доселе неведомого мне волнующего предвкушения грядущих перемен.

Вновь издалека долетел ровный стук колёс невидимого поезда. И больше он не казался мне тоскливым, пожалуй, чуть тревожным, но в то же время зовущим. Дальние дороги лежали там, за пределами нашей однообразной жизни. И если раньше они для меня были абстрактными, плоскими и безжизненными, как тусклые иконы, висящие в церкви, то теперь обрели объём и краски, стали *живыми*. Сейчас эти дороги куда-то вели. И по ним можно было пойти.

Яринка молчала, видимо, тоже привыкая к новой картине мира. И в этой тишине мы лежали так долго, что луна начала опускаться за деревья, а звёзды заметно сместились на небосклоне.

– Как думаешь, что там? – наконец заговорила Яринка, и я вздрогнула от неожиданности. Покосилась на подругу, увидела её устремлённые вверх глаза и догадалась:

– На небе?

– Ну... – Яринкин голос звучал почти сонно. – Это ведь ерунда, что там ангелы и Бог? Мама рассказывала – люди туда летали. Совсем высоко, за облака. Это ведь правда?

Я удивлённо помолчала. Раньше мы никогда не разговаривали на эту тему, но мне казалось, что подруга, как городской житель, должна быть осведомлённее меня в вопросах технического прогресса.

– Яринка... конечно, правда! Летали! Там космос. Разве вас в школе этому не учили?

– Да, говорили про безвоздушное пространство. И что туда нельзя. Но ведь раз люди летали... были машины...

– Были, – подтвердила я. – А где-то и сейчас есть. И там люди летают в космос до сих пор. А может, и у нас летают, просто об этом не рассказывают.

– Папа говорил, что это грех. – При упоминании об отце Яринка непроизвольно стиснула мою руку, и я поморщилась от боли. – Что из-за этого все беды и войны, когда люди лезут куда нельзя. А почему нельзя? Кто решил, что нельзя?

Я пожала плечами. Мне такого никто не говорил. Родители рассказывали про другие планеты и солнца, учили определять стороны света по созвездиям. Были ночи, когда мы все вместе сидели на крыше и смотрели на небо в папин охотничий бинокль. И только здесь я услышала, что там, оказывается, есть ещё Бог со своими ангелами и архангелами, есть люди, которые умерли, и более того – однажды я сама отправлюсь туда же, при условии, конечно, хорошего поведения. Поверить в такое я не смогла, но сделать вид, что поверила, – вполне.

– А почему тогда, – продолжала размышлять вслух Яринка, – если люди из других стран летают в космос, их Бог не наказывает?

– Наказывает же! – фыркнула я. – Помнишь, что Агафья говорила? У них там геи и блуд.

– Хочу туда, где блуд, геи и люди летают в небо! – Яринка тихонько засмеялась, но вдруг осеклась, глухо замолчав.

Я испугалась, что она может заплакать, и быстро сказала первое, что пришло в голову:

– Когда-то Русь называлась по-другому. Не помню. Так вот люди из этой страны, которая была вместо Руси, самые первые полетели в космос. Тогда ещё никто не летал, только они.

– И патриарх разрешал?

– Тогда не было патриарха. Главным был царь... Ой, нет, это ещё раньше... президент? Не помню, в общем, кто, но патриарха не было, а тот, кто был, не запрещал летать. Разве тебе никто это не рассказывал?

– Про времена безбожья? – Яринка хмыкнула. – Отец говорил, как же! Что раньше были сплошной разврат и грехопадение.

– Грехов не было. То есть не верил никто в Бога и грехи.

– Ну так это и есть грехопадение, – снисходительно пояснила Яринка. – Когда не верят. А во что верили?

Я напрягла память, по крохам собирая всё, что когда-то слышала об истории Руси. А вспомнив, уверенно сообщила:

– Верили только в науку.

– Что, и молились науке?

– Нет, науке не молились, а грызли...

– Грызли?! – Даже в темноте стало видно, какими огромными сделались Яринкины глаза.

– Да не перебивай! Не по-настоящему грызли, конечно, а просто так говорилось. Грызть науку. Узнавать её значит. И ещё! Девчонки и мальчишки учились вместе.

– Вместе? В одной группе и мальчики и девочки?

– Ага.

– Чепуха какая-то. Это что – мальчики тоже учились до-моводству, а девочки военному делу?

Я пожала плечами:

– Про это не знаю.

– Наверно, тогда было интереснее, чем... – начала Яринка и вдруг тихонько ахнула.

Небо над нами рассёк яркий росчерк падучей звезды. И почти сразу, чуть в стороне – ещё один. И секунду спустя – ещё!

– Звездопад! – Я рывком села в траве, откуда-то издалека пришло воспоминание – такая же ночь на исходе лета, мой папа на крыше, и обронённое им непонятное слово «персеиды». Но из всех папиных объяснений я тогда поняла только то, что в августе с неба всегда падают звёзды.

И они падали. То здесь, то там, через промежутки в несколько секунд небо роняло по одной, а то и сразу по две звезды. Яринка восторженно взвизгивала и сучила ногами, продолжая сжимать мою ладонь. А я вспомнила ещё кое-что.

– Желание! Нужно загадать желание!

– Ой, точно! Нет, подожди!

– Что?

– А если загадать вдвоём? Как думаешь, получится сильнее?

Прямо над нашими головами вспыхнула, начала и тут же завершила короткий стремительный полёт очередная падающая звезда.

– Вдвоём? Да, я думаю, да!

– Давай загадаем, – Яринка тоже села, – чтобы нам не потерять друг друга. Никогда! Чтобы, когда вырастем, всё равно вместе? До конца?

– Давай! Сейчас звезда полетит, и сразу загадываем!

Забегая вперёд, скажу, что это двойное желание, загаданное одиннадцатилетней нашей августовской ночью, действительно сбылось. Именно так – до конца.

Глава 4

Крик сойки

Если Бог и сидел где-то на небе выше космоса, то он проявил благосклонность ко мне и Яринке. Никто и ничто не помешало нам незамеченными вернуться в дортуар и лечь досыпать остаток ночи.

До утра я плавала среди звёзд, медленно падающих в густые кроны сосен, и, когда утром Яринка холодными пальцами ухватила меня за пятку, громко взвизгнула и чертыхнулась, вызвав смех подруги.

– Вставай, заплетаться пора. Ты даже будильника не слы-

шишь.

Я высунулась из-под одеяла, оглядела комнату с трудом открывшимися глазами. Зина и Настуся уже оделись и заправляли постели. Настуся поймала мой взгляд и укоризненно покачала головой, недовольная моим недавним поминанием чёрта. Яринка пританцовывала от нетерпения, встряхивая взлохмаченными кудрями и воинственно потрясая расчёской. Ой, ну как мне уже надоела эта игра в «кто быстрее заплетётся»!

Спрыгнув на пол, я обречённо поплелась к уже поставленному подругой посреди дортуара стулу, плюхнулась на него и взвыла от боли – так рьяно Яринка взялась за мои спутанные со сна волосы. Воспользовавшись поднятым шумом, подруга наклонилась и шепнула мне на ухо:

– Никто ничего не слышал и не видел. Девчонки всю ночь спали, Агафья тоже, а то бы уже прибежала.

Я облегчённо кивнула. Повезло, да ещё как! Прошедшая ночь до сих пор напоминала о себе приятным гудением в мышцах, кожа хранила прикосновение ночной росы и прохладное дыхание ветерка, а волосы пахли травой. Поддаваясь радостному порыву, я оглянулась на Яринку и встретила её счастливый взгляд. Мы подмигнули друг другу и были так довольны собой, что ничуть не расстроились, когда Зина и Настуся заплелись первыми и дружно показали нам язык.

Но дальше всё пошло не так гладко. Собирая сумку в школу, Яринка вдруг обречённо застонала и плюхнулась на кро-

вать, обхватив голову руками.

– Ты чего? – испугалась я.

– Юбка! – Подруга выхватила из-под кровати помятый лоскут ткани, с торчащими из него нитками, и яростно потрясла перед собой. – Я так и не дошила проклятую юбку, а мне её сегодня сдавать!

Я сочувственно вздохнула. Наша преподавательница по рукоделию, женщина непреклонная в своих убеждениях, свято верила в то, что каждой девочке природой дано умение шить-вязать-вышивать-плести, и любые неудачи на этом поприще объясняются исключительно ленью.

– Теперь мне точно придётся каждый вечер ходить на продлёнку! – продолжала страдать Яринка, нещадно комкая недошитую юбку, виновницу своих несчастий.

– Ничего страшного, – вдруг строго оборвала её Настуся. – Я даже сама вызвалась ходить, это очень интересно. Варвара Петровна на продлёнке показывает то, чего нет на основных уроках. Вот, смотри...

Настуся выдернула из шкафа и встряхнула перед собой какую-то цветастую вещицу. Вещицей оказался сарафан, причём весьма симпатичный, с ярким пояском и тесёмочками на коротких рукавах.

– Я его сшила всего за четыре продлёнки, – похвасталась Настуся, – А материалы и выкройку мне Варвара Петровна дала, она всегда помогает, если просишь.

– Погоди-ка! – Яринка нацелилась на Настусю, как стрел-

ка компаса – на север. – Так ты хорошо шьёшь?

Та скромно потупилась, но ответила не без гордости:

– Варвара Петровна говорит, что я очень старательная и усидчивая, а если буду...

– Да на фиг Варвару Петровну! – бесцеремонно перебила Яринка. – Ты мне юбку дошить сможешь? Тут немного осталось. А я тебе буду целый месяц десерт с обедов отдавать, а?

Настуся аккуратно сложила сарафан и твёрдо ответила:

– Нет.

– Да почему нет? – зачастила Яринка, цепляясь за ускользающий шанс. – Это же простая юбка, для тебя раз плюнуть, за вечер управишься! Хочешь, два месяца десерт буду отдавать?

– Не в этом дело. – В голосе Настуси зазвучала непривычная твёрдость. – Если я сошью тебе юбку, ты не попадёшь на продлёнку к Варваре Петровне и так ничему и не научишься.

Яринка застыла с раскрытым ртом, а Настуся, сунув сарафан в шкаф, решительно вышла из дортуара.

Кое-как справившись с оторопью, подруга посмотрела на меня и доверительно поделилась:

– Иногда мне хочется её убить – слишком правильная для этого мира.

– Не держи на неё зла, – вступилась за Настусю Зина. – Она ведь и правда тебе добра желает. А учиться шить всё равно придётся, Варвара от тебя не отстанет. Я тоже долго мучилась, а теперь ничего, справляюсь.

Яринка развернулась к ней всем корпусом, но Зина опередила её, торопливо сказав:

– Я сладкое не люблю. И то, что я научилась шить, не значит, что мне нравится это делать.

Когда и она вслед за Настусей отправилась на завтрак, подруга в сердцах запустила недошитой юбкой в стену.

– У-у, гадина! – адресовался этот нелестный эпитет несчастному отрезку ткани или Варваре Петровне, я не поняла, но попыталась утешить подругу:

– Тебе же юбку всё равно уже сегодня сдавать. Даже если бы Зина или Настуся согласились помочь, они бы не успели.

Буркнув себе под нос что-то явно очень грубое, Яринка подняла юбку с пола и принялась ожесточённо запихивать в школьную сумку. Но потом вдруг замерла, просветлела лицом и повернулась ко мне:

– А и чёрт с ней, с продлёнкой! Продлёнка вечером, а мы ведь в лес будем ходить по ночам? Пошли завтра снова?

На миг в Яринкиных глазах я снова увидела звёзды, падающие сквозь пушистые еловые лапы, и потянулась к ним всей душой. Но тут же словно одна из этих лап хлестнула меня по лицу, возвращая в дортуар.

– Нельзя так часто... слишком опасно.

Яринка возвела глаза к потолку:

– Да чем опасно-то?! Увидят, поймают? Ну и что? Не убьют ведь. Ну, получим розги в крайнем случае. Переживём.

– Розги-то переживём, а что дальше? Деревья спилят у забора, и мы больше не сможем никогда ходить в лес, – пояснила я, а мысленно добавила: «И мне будет негде встречаться с Дэном».

Яринка поникла – поняла. Я тоже её понимала. Вольная воля – пусть даже такая кратковременная и иллюзорная – пьянит. Потом ещё труднее возвращаться к навязанному распорядку, ещё сильнее тянет вырваться из него! А такая волшебная ночь, как вчерашняя, даже меня, уже привыкшую к регулярным побегам, теперь, кажется, надолго выбила из колеи. Что уж говорить о Яринке, только-только вдохнувшей свободы и сразу вынужденной вернуться обратно в клетку.

Я поспешила её утешить:

– Мы всё равно будем убегать в лес, обязательно! Просто это надо делать пореже и придумать что-то похожее на правду, на случай если нас поймают.

Яринка энергично закивала:

– Я придумаю! Я такое придумаю, что не только комар – сама Агафья носа не подточит!

Наверное, нам обеим представилась Агафья с длинным комариным носом, потому что мы переглянулись и приснули со смеху.

К сожалению, худшие Яринкины опасения оправдались. Первое, что сделала тучная и на вид вполне добродушная Варвара Петровна, начиная урок рукоделия, это сказала:

– Напоминаю, что сегодня последний день, когда я принимаю задание с прошлого месяца. Кто ещё не сдал юбки – сдавайте. Оценки получите на следующем уроке.

Поднялись три ученицы, понесли к учительскому столу аккуратные свёртки. Я покосилась на подругу, сидящую слева от меня через проход, но та как будто примёрзла к стулу.

– Это всё? – Варвара Петровна подняла глаза на класс. – Все сдали?

Раздался унылый Яринкин вздох, и я увидела, как она встаёт из-за парты.

– Я не сдала...

Брови преподавательницы поднялись над тонкой дужкой очков:

– Чего же ты в таком случае ждёшь?

– Я... моё задание не готово.

Варвара Петровна посуровела:

– И почему же ты не потрудились его выполнить?

– Я потрудилась, сударыня, – забормотала Яринка, – я очень трудилась, я несколько раз начинала сначала, перешивала... но у меня не получается.

– Глупости! – Преподавательница требовательно протянула руку. – Дай мне то, что вышло в итоге.

Мятая недошитая юбка с торчащими нитками, которую Яринка поспешно извлекла из сумки, выглядела жалко. По классу пронеслись смешки.

Чем дольше Варвара Петровна разглядывала неудачный

результат Яринкиных стараний, тем мрачнее становилось её лицо. Лицо же самой Яринки постепенно приближалось по цвету к её волосам.

– У тебя было две недели, – наконец горько изрекла преподавательница. – И за две недели ты не смогла сшить простую юбку-карандаш! Что же будет, когда мы дойдём до юбок – колоколов, юбок – клёш, юбок – солнце? Сядь на место и забери этот позор.

Яринка поплелась к парте, а Варвара Петровна добавила, глядя в её ссутуленную спину:

– Думаю, тебе пойдёт на пользу позаниматься со мной дополнительно. Начнём с понедельника, Агафью Викторовну я поставлю в известность. – Она вздохнула и повысила голос. – А теперь все достаём пяльцы, сегодня будем вышивать крестиком вот эту... Что тебе ещё, Ярина?

Яринка, которая уже села на место, тянула руку вверх.

– Варвара Петровна, а можно спросить?

– Ну, спрашивай.

– Почему в церковь певчими берут только тех, у кого талант, а хорошо шить должны все? А если таланта нет?

Класс притих. Варвара Петровна растерянно мигнула, но быстро нашлась с ответом:

– Потому что для умения шить талант не нужен. Нужны трудолюбие и усидчивость. Чего у тебя нет, Ярина.

Яринка упрямо тряхнула косичками.

– Знаете, сколько я над этой юбкой сидела? Каждый ве-

чер! А как старалась? У меня не получается, потому что нет такого таланта.

Варвара Петровна снисходительно улыбнулась:

– Ярина, вот увидишь, как только ты походишь ко мне на дополнительные занятия, талант появится как по волшебству. И тебе самой будет смешно, что раньше ты не могла сшить простейшую юбку.

Глаза Яринки прищурились, стали зеленее обычного.

– Хорошо, Варвара Петровна, может, талант для шитья и не нужен, но если и желания нет?

Улыбка сползла с лица преподавательницы.

– Что, прости?

Я сверлила взглядом Яринкину раскрасневшуюся щёку, пытаюсь мысленно передать ей одно-единственное слово: «Молчи, молчи, молчи!»

– Если я не хочу уметь шить?

Ой, мама...

– Что значит – не хочу? – Варвара Петровна тоже покраснела. – Есть такое понятие, как надо! И каждая женщина должна уметь шить, готовить, содержать дом в порядке и уюте, быть прилежной хозяйкой...

– Какой дом, Варвара Петровна? – перебила преподавательницу Яринка, презрев все правила школьного этикета. – Какой *у меня* может быть дом? Вы же знаете про мою маму? Кто возьмёт замуж дочь такой женщины? Я пойду на производство, и у меня не будет ни денег, ни времени на рукоде-

лие. Зачем же этому учиться?

В классе воцарилась тяжёлая тишина – Яринка задела запретную тему. Разумеется, преподаватели и воспитатели знали грехи наших родителей, знали, по какой причине оказался в приюте тот или иной ребёнок, но никогда не говорили об этом. Старательно делали вид, что приют – обычная школа, а дети в нём – обычные дети. Любых напоминаний о том, что у этих детей нет будущего, взрослые избегали.

А Яринка напомнила.

Варвара Петровна суетливо сняла очки, глянула поверх голов, кашлянула.

– Не нужно так думать. – Даже голос преподавательницы стал другим, почти виноватым. – Бог милостив, всегда стоит надеяться на лучшее.

– Надейся на лучшее, готовься к худшему! – дерзко парировала Яринка.

Очки вернулись на нос Варвары Петровны, и сквозь них она строго взглянула на мою подругу.

– Пути Господни неисповедимы. Не впадай в грех гордыни, считая, что можешь знать что-то наперёд. И раз уж мы заговорили об этом, то в интересах каждой из вас учиться как можно усерднее. Прилежной, кропотливой и хозяйственной девушке прощаются многие недостатки. И мой учительский долг – дать вам для этого как можно больше знаний и умений. Поэтому! – Варвара Петровна повысила голос, заметив, что Яринка собирается что-то возразить. – Поэтому, Ярина,

учитывая твой запущенный случай, я считаю, что нам не стоит откладывать его исправление до понедельника. Сегодня вечером после полдника жду тебя здесь на дополнительное занятие. Также не будем делать исключений для субботы и воскресенья.

– Ну чего ты умничать начала? – выговаривала я подружке на перемене. – Кто тебя за язык тянул? Теперь Варвара от тебя не отвяжется, пока не будешь шить и вязать, как... как... да как она сама!

– Ой, без тебя тошно! – огрызнулась Яринка. – Ещё посмотрим, кто первый от этих занятий устанет. Я ей такого нашью!

Своё обещание Яринка сдержала. К вечеру воскресенья её пальцы были исколоты так, что шить она уже не могла. О чём довольно сообщила, вернувшись с продлёнки и демонстрируя мне опухшие подушечки.

– Уж я их тыкала, тыкала! Варвара сказала, чтобы я ей на глаза не попадалась, пока пальцы не заживут. Так что завтра я смогу отвлекать Агафью, пока ты гуляешь в лесу с Дэном.

Я ещё не пришла в себя от вида кровоточащих Яринкиных пальцев, но последнее предложение повергло меня в ужас.

– Нет! Ты же не собираешься выкинуть что-то такое, как в прошлый раз?

– Такое же – не собираюсь. Надо что-то новое придумать.

– Не надо! – С перепугу я начала соображать быстрее

обычного. – Я уже придумала!

– Да? – подозрительно спросила Яринка. – И что же?

– Если... если Агафья будет про меня спрашивать, ты прибежишь к забору и два раза крикнешь сойкой!

От неожиданности Яринка примолкла, потом опасливо спросила:

– А как кричит сойка?

Я прикрыла глаза, воскрешая в памяти лесные звуки. Затем глубоко вдохнула и честно попыталась воспроизвести крик сойки.

Яринка попятилась.

– Ой... так громко?

– Да, сойки кричат громко, – важно заверила я, переводя дыхание. – А как же иначе мы с Дэном услышим тебя в лесу?

– Ясно. – К Яринке стремительно возвращался энтузиазм. – Вот так?

Дортуар огласился новым воплем. На этот раз попятилась я.

– Ну-у... похоже. Только надо визгливее...

Яринка вошла во вкус, изобразила подряд два крика сойки, набрала в грудь воздуха для третьего, но тут дверь распахнулась и на пороге возникла Зина с круглыми глазами.

– Это что? Вы слышали? Это здесь?

– Это... я учу Ярину петь, – не придумала я ничего лучше. – А сейчас пойдём на улицу.

С трудом сдерживая смех, мы торопливо выскользнули из

доруара мимо ошарашенной Зины и устремились вниз по лестнице.

Таким образом, в понедельник Яринка осталась гулять по территории приюта следить за перемещениями по ней Агафьи и готовиться при малейшей необходимости пробраться к забору и закричать сойкой. А я встретилась с Дэном возле нашего тайника. Снова было солнечно, тепло, и он снял школьный китель, постелив его на ствол поваленной сосны. Кивнул мне, приглашая садиться.

– Ну привет, дитя бескрайних лесов. Как дела?

– Хорошо. – Я осторожно присела рядом с ним. – А у тебя?

– Тоже норм. Только воспитатели достали с этим случаем... У нас в вестибюле какой-то идиот мозаику с Иисусом разрисовал, слышала ведь? Как раз в тот день, когда мы виделись в прошлый раз.

– Слышала. – Я торопливо опустила глаза, чтобы Дэн не заметил в них смешинок. – Так ведь и не нашли, кто это сделал?

– Да как найдёшь? Кто угодно мог. Но трясли всех подряд. Я изобразила сочувственный вздох. Дэн махнул рукой:

– Ладно, сейчас вроде успокоились. Ну что, пойдём стрелять или просто погуляем?

– Давай, наверно, лучше гулять... – протянула я, а потом быстро, чтобы не дать себе времени на отступление, выпалила: – Дэн, я должна тебе признаться!

– Признаться? – Он поднял брови. – В чём?

Я помолчала, собираясь с мыслями. Все выходные я обдумывала, как лучше покаяться Дэну в том, что я пересказала Яринке наш с ним разговор.

Нет, я ничуть не жалела, что разоткровенничалась с подругой. Она такая же, как я и Дэн, она тоже *другая*, она понимает, что вовсе не обязательно жить так, как мы жили до сих пор, как живут остальные. И я была уверена, что, будь Дэн знаком с Яринкой, он и сам не стал бы ничего от неё скрывать. Вот только они не были знакомы. И он не давал мне разрешения кому-то пересказывать свои слова. Выбалтывать чужие секреты очень нехорошо, это я знала с пелёнок. А если уж выболтаешь, то потом нужно извиниться. Что я сейчас и сделала, путаясь в словах и виновато повесив голову.

Дэн выслушал меня, не перебивая. А когда я, наконец, замолчала и осмелилась поднять глаза, то увидела, что он тревожно хмурится.

– Ты очень сердисься?

– Эх ты, малявка... – Сердитым Дэн не выглядел, только расстроенным. – Больше-то хоть никому ничего не говорила?

– Нет! – поспешно заверила я. – Больше никому! Просто Яринка – она такая же, как мы, понимаешь? Ей можно.

– Яринка – это рыженькая? С которой вы всегда вместе ходите?

– Да! Она тоже никому не скажет.

– Я бы не был так уверен, – хмыкнул Дэн, но я затрясла

головой.

– Не скажет! Она, знаешь, какая? Она... – Я осеклась, но потом, мысленно махнув рукой (на семь бед один ответ!), продолжила: – Когда мы с тобой встречались в прошлый раз, это она у вас в корпусе Иисуса разрисовала, чтобы всех отвлечь, чтобы не заметили, что нас нет.

Дэн округлил глаза, помолчал, переваривая новую информацию, а потом, совсем как я в тот вечер, начал хохотать. Да так, что сполз с поваленной сосны на землю. Кое-как выговорил:

– Ну, девчонки... и ведь не подумаешь на вас никогда!

Я несмело улыбнулась, подождала, пока Дэн переведёт дух, и спросила:

– Теперь ты видишь, что Яринке можно доверять? Она и сейчас нас страхует.

– Что? Опять что-то рисует?!

– Нет-нет! – Я торопливо рассказала Дэну про крик сойки, чем вызвала у него новый приступ смеха.

– Да вам в разведке нужно служить. Правда, соек я в этих местах что-то не припомню, ну да ладно. Скажи своей Яринке, что, если её кто-то застанет за этими воплями, пусть говорит, будто видела птицу, которая так кричала, и хочет её приманить. В вашем возрасте такое простительно.

Я обрадованно закивала, слегка заискивая перед Дэном.

– Обязательно скажу! Так ты больше не сердись?

– На вас невозможно сердиться, – отмахнулся он, снова

сядаясь на ствол рядом со мной. – Лучше расскажи, как вы сюда ночью ходили?

Я кивнула, выдержала паузу для важности и начала рассказывать. Дэн слушал молча и внимательно. Лишь, когда я дошла до места, где мы с Яринкой лежим на траве и говорим про космическое прошлое Руси, вслух удивился:

– Откуда ты всё это знаешь?

– Нам дед Венедикт говорил, – небрежно ответила я, топясь продолжить рассказ, но Дэн перебил:

– Подожди, Дайка. Кто такой дед Венедикт? И зачем он с вами говорил про такое?

Я помолчала, переключаясь на другую тему, и пояснила:

– Дед Венедикт у нас в Маслятах был как бы учителем. Только здесь учителей много, а дед Венедикт один всё знал.

– У вас там было что-то вроде школы? И историю преподавали?

– Нет. Да... – Я беспомощно развела руками. – Просто взрослые всегда заняты, и детей днём отводили к старикам. Они нас учили читать, писать, рассказывали про всё. И про то, как раньше было тоже. Чаще дед Венедикт, но и другие были. Бабушка Сима больше с девочками занималась, а у бабушки Риты был компьютер, и она нам показывала, как с ним работать.

– У вас и компы там были? – впечатлился Дэн. – А где вы брали электричество?

Мне опять пришлось напрягать память.

– Ну... Из таких чёрных коробок. Их привозили откуда-то.

– Наверно, это были аккумуляторы? Ладно, неважно. И что вам ещё рассказывал дед Венедикт про то, что раньше было?

– Всякое. Он старый, сам жил ещё, когда были эти... времена безбожья.

– Что?! Ему сколько лет?

– Много. – Я подумала и твёрдо добавила: – Сто.

– Сто? – Дэн недоверчиво уставился на меня. – Ты уверена?

– Да. Папа говорил: «Венедикт, тебе сто лет в обед, а ты детей электробритвой пугаешь».

Дэн опять захохотал, запрокинув голову.

Я подождала, пока он успокоится, и подытожила:

– Вообще я про это всё мало знаю, только то, что уже сказала. Нам больше нравилось слушать про рыцарей, принцесс и драконов.

– Подожди. – Улыбка слетела с лица Дэна. – Ваш дед Венедикт рассказывал, что раньше были драконы?

– Ну да. – Я удивлённо посмотрела на него. – Были, совсем давно. Их скелеты и сейчас находят. Нас тут возили в музей, и я видела.

– А, динозавры! – Дэн с облегчением хлопнул себя по лбу и задумчиво добавил: – Всё-таки как-то систематизировать учебный материал вам там не помешало бы.

Я хихикнула, потому что вспомнила, как однажды мой папа разговаривал с дедом Венедиктом о том, что детям нужно хоть какое-то подобие учебной программы, но тот лишь отмахивался. Тогда папа повернулся ко мне и спросил: «Мышка, что делают люди в море?» И я важно ответила, что они там плавают на подводных лодках и ходят на бордаж. Дед Венедикт затрясся от смеха, а папа, воздев руки к небу, снова начал доказывать ему, что нельзя пичкать детей информацией без всякой системы.

Я собралась уже рассказать этот случай Дэну, но решила отложить до другого раза. Куда больше мне сейчас хотелось довести до конца историю нашей с Яринкой ночной прогулки. На всякий случай я немного подождала, не спросит ли меня Дэн ещё про что-нибудь, но он молчал.

– Так вот, – решила продолжить я, – а ещё мы видели звездопад. Звёзды вдруг начали падать часто-часто, и мы загадали желание. Ну а потом стало холодно, ещё больше росы выпало, и пришлось возвращаться. Платья мы почистили в туалете, утром погладили, и никто ничего не узнал.

– Шустры! – одобрил Дэн. – Только надеюсь, вы не собираетесь превратить такие прогулки в привычку?

Я уклончиво повела плечом, но, к счастью, интерес Дэна переключился на другое.

– Дайка, скажи, вот вы с подружкой говорили про Бога на небе. А у вас в деревне в Бога верили?

Я помолчала, припоминая.

– Да мы про такое почти и не разговаривали. Мама иногда говорила «о господи», когда сердилась. Дед Венедикт рассказывал, что Бога придумали в старину, чтобы пугать людей грехами. А папа как-то сказал, что существует высший разум, только он ничего никому не запрещает, потому что ему до нас дела нет.

– Ну а сама ты об этом что думаешь? – Дэн сорвал длинную травинку и теперь крутил её в пальцах.

Я вспомнила бессонные ночи, которые наверняка бывают у всех. Такие ночи, когда ты лежишь не шевелясь, смотришь в темноту и гадаешь – зачем я? Откуда я? Где я была, пока не родилась? И где буду, когда умру? А всё остальное, всё, что вокруг, – зачем и откуда? А что было, когда ещё ничего этого не было?

– Я? Мне кажется, что где-то кто-то всё-таки есть. Большой и самый главный. Но не такой... не тот, про кого написано в Библии.

– А какой?

– Ну... такой... – Я не знала, как выразить словами то, что чувствовала, поэтому встала и раскинула руки в стороны. – Вот такой, везде! Такой большой, что он никогда не станет делать то, о чём рассказывал батюшка Афанасий. Потому что оно слишком маленькое для него.

На этом поток моего красноречия иссяк, и я снова села.

Дэн спросил, тихо и осторожно, будто не хотел меня пугать:

– Так тебе не нравится то, что пишут в Библии. Почему?

– Потому что... – Я привычно хотела подобрать вежливые слова, но, вспомнив, что говорю с Дэнном, а не с бабушкой и не с Агафьей, выпалила: – Потому что это ерунда! Чушь свиньячья!

Дэн одобритительно кивнул:

– Категорично, зато честно. А что именно кажется тебе чушью?

– Ой, да там много чего! Полно всего непонятного и просто... глупого! Я хотела, чтобы бабушка Афанасий объяснил, спрашивала у него, только он от этого так расстраивается...

– Представляю, – согласился Дэн. – Про что ты у него спрашивала?

– Ну например, зачем Бог создал дерево с запретными плодами, если не хотел, чтобы Адам и Ева съели эти плоды? И почему не хотел, чтобы они их ели? Ведь это было дерево познания добра и зла, а что плохого, если Адам и Ева стали бы разбираться в добре и зле?

– И что ответил бабушка?

– Сказал, что это было такое искушение, что Бог хотел проверить, как Адам и Ева его слушаются. Но ведь Бог всеведущ, разве Он не мог просто посмотреть в будущее, чтобы увидеть, послушаются его или нет? И если Бог хотел, чтобы люди были послушными, почему он не создал их сразу такими? Получается, сам ошибся, а их наказал?

– Так и сказала? – Кажется, Дэн, слушая меня, получал искреннее удовольствие.

– Ну да. А батюшка ответил, что не надо понимать всё буквально, что Библия – это не документальный пересказ событий, а скорее... э... какое-то слово...

– Метафора?

– Вроде того. А я спросила, почему тогда и не писать нормально, чтобы понятно было? Вот как в других учебниках написано, что ничего переспрашивать не надо. А в Библии и слова-то такие, что язык сломаешь.

– А он?

– Ой, батюшка Афанасий начал бегать туда-сюда, что-то говорить, говорить... Но я всё равно ничего не поняла. Потом ещё спрашивала про всемирный потоп. Ведь Ной спас всех зверей по одной паре, тогда, где потом нашли себе пары их детёныши? И вообще, зачем нужно было устраивать потоп? Бог же разозлился на людей, а погибли ещё и все животные, и все птицы! Их-то за что?

– А как Ной запихал всех зверей в ковчег? – поддразнил меня Дэн.

– Да! И как он взял зверей из других стран, которые за морем? Он что, на ковчеге за ними плавал ещё до потопа? А ещё – в начале Библии говорится, что сначала Бог создал свет, а только на четвёртый день солнце. Откуда же был свет без солнца? И если был, то почему сейчас того света ночью нет?

– Ну-у... – начал Дэн, но я перебила. Недоумение, накопившееся за два года изучения Божьего слова, давно искало выход, и теперь мне было трудно остановиться.

– Или вот ещё, когда Бог создал Адама, Он устроил ему смотр всех животных, чтобы Адам их назвал, так? И все, кого создал Бог, прошли перед Адамом? Но как прошли рыбы? А всякие тюлени, киты, осьминоги? А ещё когда Ной уснул пьяный, и его увидел Хам и смеялся над ним, Ной, когда проснулся, проклял не Хама, а почему-то его сына! А зачем Бог велел Аврааму принести в жертву Исаака? Он его, конечно, остановил, но ведь это была очень глупая и злая шутка! Хотя Авраама мне и не жалко после того, как он выгнал в пустыню свою служанку, которая родила ему сына, и Бог его за это даже не наказал.

Я сделала паузу, пытаюсь воскресить в памяти то, чего ещё не смогла понять из Библии, но тут Дэн похлопал меня по плечу:

– Потрясающе, Дайка! Устами младенца глаголет истина. Вот что значит ребёнок, которого растили вдали от всей этой христианской зомбо-шушеры. Критическое мышление в действии!

Я улыбнулась от удовольствия и даже распрямила спину, потянувшись макушкой вверх, ведь уж чем-чем, а похвалами меня тут баловали нечасто. Поощрённая, я продолжила:

– И ещё вот чего не понимаю совсем. Пусть Ева послушалась Бога, съела плод, да ещё и Адама подговорила, пусть

она виновата. Но я-то здесь при чём?!

– А что ты? – удивился Дэн.

– Ну как это? Наша Агафья только и знает, что зудеть о первородном грехе, о том, что Ева согрешила, и теперь все женщины от рождения грешны. Поэтому они должны рожать в мучениях и подчиняться мужчинам. И я тоже, значит. Но ведь я-то не ела того яблока, почему я должна отвечать за Еву?

– А ты спрашивала об этом у вашей Агафьи?

Я сникла:

– Ага, у неё спросишь... Она чуть что – за розги. Вон как с Яринкой.

Я кратко поведала Дэну историю Яринкиного появления в приюте, и её неравной борьбы с местными правилами, которую подруга вела и проиграла.

– Она спрашивала! За что Бог наказал её маму, но не наказал отца, почему позволил ему довести её до греха и самоубийства, раз он такой добренький? Больше не спрашивает...

– Я правильно понимаю, что ваша Агафья та ещё стерва? – задумчиво спросил Дэн.

– Ой, – я закатила глаза, – не то слово. А нам ещё говорят: «Воспитательница – ваша мама!» Да не дай бог...

– А к тебе она как относится?

– Да как и ко всем. Никак, точнее. Пока веду себя хорошо, не замечает. В прошлое воскресенье без экскурсии оставила

за разбитые коленки, но я только рада была.

– Вот что, Дайка, – Дэн перекинул одну ногу через ствол, садясь ко мне лицом, – нам нужно как-то обезопасить наши встречи. Твоя Агафья не должна и мысли допустить, что с тобой что-то не так.

Я пожала плечами:

– Она и не допускает. Я всегда её слушаюсь и учусь неплохо.

– Этого мало. Надо, чтобы ты была у неё на хорошем счету, понимаешь? У неё есть любимицы? У всех воспитателей есть.

Я призадумалась.

– Вроде нет. Она внимание обращает только на тех, кто в чём-то провинился. А остальные ей побоку.

– И всё-таки? – настаивал Дэн.

На этот раз я молчала дольше.

– Ну-у... разве что две-три девочки. Я не помню, чтобы она их хоть раз наказывала. Одна живёт в нашем дортуаре. Настуся.

– Отлично, – поощрил меня Дэн. – Подумай, за что к этой Настусе такое расположение?

– Да ни за что. Она просто тихая, незаметная... и очень набожная. Дольше других молится, всё у неё только через «господи, благослови», да «господи, прости». В церкви вечно торчит.

– Вот! – Дэн поднял указательный палец. – Вот, что тебе

нужно – набожность.

– Ага, щас! – подскочила я. – Я и так устала от этой церкви, ещё и по воскресеньям петь заставили!

Дэн насторожился:

– Ты поёшь в церкви?

– Ага. Угораздило как-то запеть при бабушке, вот до сих пор и пою.

– Так это же здорово! Полдела считай в кармане!

– Какие ещё «полдела»?

– Тебе самой нравится петь? – вкрадчиво спросил Дэн, и, хоть я чуяла какой-то подвох в этом вопросе, врать не захотела.

– Да, петь я люблю.

– Вот! – снова поднял палец Дэн. – Значит, совместишь приятное с полезным. Подойди к своей Агафье и скажи, что хочешь петь в церкви не только по воскресным службам, а всегда.

У меня пропал дар речи. Да что они, сговорились? То Зина ко мне с этим пением привязалась, теперь Дэн!

– Но я не хочу!

– Ты же любишь петь.

– Я другие песни люблю, а не те, которые в церкви! И вообще... – Я не знала, как объяснить то, что меня очаровал только полёт собственного голоса под высоким церковным куполом, а не протяжные непонятные псалмы, которые теперь приходится учить.

– Дайка, – тихо и серьёзно попросил Дэн, – пойми – надо. С твоим пением очень удачно получилось, теперь нужно лишь чуть-чуть проявить инициативу, и ты будешь уже не просто воспитанницей приюта, а почти что его сотрудником. На голову выше других и перед воспитателями, и перед бабушкой. У тебя будет не только безупречная репутация, но и разные поправки.

– Ты-то откуда знаешь? – тоскливо спросила я, уже чувствуя, что не устою перед его напором.

– Тут и знать нечего. – Дэн шутливо потянул меня за косичку. – Если бабушка Афанасий захотел, чтобы ты пела на воскресных службах, значит, ты действительно хорошо поёшь, абы кому это не доверят. Знаешь, как говорят про людей, наделённых талантом? Что они поцелованы ангелом. А разве кто-то подумает про поцелованную ангелом девочку, что она способна на грубые нарушения дисциплины? Попросившись в певчие, ты покажешь воспитательнице свою добродетель и стремление к Богу, а это именно то, что нам сейчас нужно.

– Добродетель! – передразнила я. – А если Агафья, наоборот, насторожится – с чего бы это вдруг такая добродетель?

– Вряд ли. Вот если бы на твоём месте была твоя Ярина или другая девочка, которая раньше хулиганила, тогда – да. Но за тобой-то косяков не числится?

Я вспомнила своё до сих пор безупречное поведение. И подумала, что только Яринка да теперь вот ещё Дэн, зна-

ют, что вызвано оно было отнюдь не добродетелью, а лишь надеждой когда-нибудь увидеть родителей. Выходит, Дэн прав? Незаметная девочка-сирота, ни в каких плохих поступках ранее не замеченная, поющая в церкви по воскресеньям, вдруг захотела петь там каждый день. Вызовет ли это у окружающих какие-то подозрения? Вряд ли.

– Ну так что? – поторопил с решением Дэн.

– Ладно, – я обречённо махнула рукой, – подойду завтра к Агафье.

– Умница. – Дэн погладил меня по волосам, смутился, отдёргнул руку и поднялся на ноги. – А давай теперь постреляем? Хватит разговоров на сегодня.

Я обрадовано вскочила. Фиг с ним, с церковным пением, пока у меня есть капелька свободы! Но...

– Дэн, я про главное чуть не забыла сказать.

– Говори, малявка! – Дэн уже сидел на корточках, разбрасывая листву, прикрывающую наш тайник.

Глядя, в его согнутую спину, я сказала:

– Моя и Яринкина мамы хотели, чтобы мы убежали на Запад.

Глава 5.

Белёсий

На следующий день, прежде чем идти к Агафье и проситься петь в церкви, я решила провести небольшую разведку и

после ужина подошла к Нюре, девочке из группы тринадцатилеток, которая пела в церковном хоре вместе со взрослыми певчими.

Выслушав мои сбивчивые вопросы, Нюра покивала:

– Я слышала, как ты поёшь, очень неплохо. Думаю, бабушка Афанасий обрадуется. И в будущем тебе пойдёт плюсом такой опыт. Но ты должна понимать, что это всё не так просто.

– Что не просто? – опасливо спросила я.

– Ты, наверно, думаешь, что пришла на службу, спела и ушла? Нет. Это займёт гораздо больше времени – учёба, репетиции. А если будешь делать успехи, то станешь выезжать на выступления в другие церкви и храмы. Я уже ездила.

– Так это же хорошо?

– Конечно, хорошо. Моя мечта – попасть в хор при монастыре и остаться там.

– Ты хочешь стать монахиней? – изумилась я.

– Да, – просто ответила Нюра, – монахиней-хористкой.

Я потрясённо примолкла.

Наш приют основан при большом монастырском комплексе, хоть и находится чуть в стороне. Мы не видим за лесом его многочисленных куполов, зато по воскресеньям и праздникам прекрасно слышим многоголосый колокольный гул, в который вплетался и звон колокола нашей приютской церкви. Несмотря на некоторую общность с монастырём, воспитанникам приюта, по понятным причинам, рады

в нём не были, и очень редко выросшие здесь девушки принимали там постриг.

Поэтому слова Нюры меня немало удивили.

Не секрет, что все приютские девочки мечтают выйти замуж, чтобы получить фамилию мужа, а вместе с ней право иметь детей и наследовать собственность. В противном случае будешь распределена на производство, станешь вечной жительницей общежития, навсегда привязанной к одному рабочему месту.

Но был для нас и третий вариант – монастырь. Он мало кем рассматривался по причине труднодоступности. Для того чтобы стать монахиней, девочка должна отличаться крайней набожностью, не иметь взысканий по поведению и получать высшие отметки на таких предметах, как слово божье и основы православной культуры. Но желающих податься в монахини не наблюдалось не только поэтому. Жизнь послушницы монастыря, по слухам, была ещё тяжелее и обделеннее, чем у работницы завода или фабрики. Постоянное соблюдение постов, бесконечные молитвы, тяжёлый труд, невозможность покидать пределы монастыря – всё это отпугивало даже самых набожных девочек.

А вот Нюру, оказывается, не отпугнуло, и я невольно прониклась уважением к этой серьёзной девочке с грустными глазами. Только её слова о предстоящих трудностях, которые подстерегают меня в роли церковной певчей, настораживали. И к Агафье со своей просьбой я шла уже не так охотно.

Агафья не удивилась моей просьбе, молча выслушала, покивала. И отправила к батюшке Афанасию, велев передать от себя, что не имеет ничего против. Сам же батюшка проявил куда больше эмоций. Он радостно потирал руки, пока я сбивчиво излагала своё пожелание, а потом разразился речью о том, что Бог, награждая кого-то тем или иным талантом, хочет, чтобы эти таланты были реализованы, а значит я, обучаясь церковному пению, буду исполнять волю Господа. После чего мы оказались в небольшой комнатке за клиросом, где я никогда не была раньше и даже не подозревала о её существовании. В комнатке царил музыкальный инструмент с бесчисленным множеством клавиш, который занимал собой почти всё пространство. Велев мне ждать, батюшка Афанасий выскользнул за дверь.

А спустя минуту в неё вплыла необъятная дама в монашеском одеянии.

Вечером, после ужина, я сидела в дортуаре, обложившись учебными материалами, врученными мне в церкви, и унывала. Нюра оказалась права – одним пением на службах дело не ограничивалось.

Марфа Никитовна, которую за глаза все звали просто Никитичной, та самая внушительных габаритов женщина, приглашённая батюшкой Афанасием на моё прослушивание, была регентом церковного хора, она же занималась обучением девочек-певчих. И после того как я дрожащим голосом

исполнила на клиросе «Иисус воскрес из мертвых», Никитична замахала на меня полными руками и густым низким голосом протянула:

– Деточка, да расслабься ты, я не кусаюсь! У тебя же от страха горло перехватило, пищишь, как мышь за печью. Давай-ка встань свободнее, ты не на плацу! И спой то, что тебе самой нравится, а не то, что должно понравиться мне.

– Дашенька, – подал голос батюшка Афанасий, стоящий в стороне и болеющий за меня всей душой, – спой ту песню, которую ты пела, когда я впервые тебя услышал.

И я, мысленно махнув рукой (если примут в хор – хорошо, а если не примут – ещё лучше!), спела им «Лето придёт во сне», мою медвежью колыбельную. Видимо, получилось неплохо, потому что энергичная Никитична вновь поволокла меня в комнатку за клиросом, где сначала долго объясняла, чему я должна буду научиться, чтобы стать настоящей певчей, потом составила наш график занятий, а под конец всучила целую папку материалов для изучения.

И теперь, вернувшись в дортуар, я пыталась хоть как-то разобраться во всём этом дремучем для меня лесу, но только всё больше приходила в отчаяние.

– Какая ты счастливая! – сказала Настуся, наблюдающая за моими мучениями с растроганной улыбкой. – Господь дал тебе красивый голос, чтобы Его славить.

– Всё-таки решила воспользоваться моим советом? – вставила свои пять копеек и Зина. – Правильно. Может, ста-

нешь певчей в какой-нибудь церкви в городе и встретишь там будущего мужа.

Едва сдержавшись, чтобы не высказать соседкам, что я думаю о будущем муже и о Господе, которого теперь придётся славить, я выдавила из себя кривую улыбку:

– Мне просто нравится петь. – И, подумав, добавила: – Псалмы.

Яринка, валяющаяся у себя на нижнем ярусе кровати, еле слышно фыркнула. Она была в курсе настоящей причины моей внезапной любви к псалмам. Вернувшись со вчерашней вылазки, я в подробностях передала ей наш с Дэном разговор. Кроме всего прочего и его ответ на предположение о том, что наши мамы хотели, чтобы мы убежали на Запад. А ответил он совсем немного. Посоветовал не торопить события, обещал, что на эту тему мы ещё обязательно поговорим, и велел на следующую встречу принести с собой планшет.

Конечно, после такого ответа моё любопытство и нетерпение только увеличились, но Дэн был непреклонен. С тем мы и расстались до очередного понедельника.

Как ни странно, Яринка отреагировала на это куда спокойнее меня, мудро сказала: «потом, так потом». Куда больше её интересовало то, зачем Дэну мог понадобиться мой планшет?

Планшеты имелись у всех воспитанников приюта, их выдавали сразу, как только ребёнок начинал посещать местную школу. Времена бумажных книг окончательно уступили ме-

сто электронным изданиям, и теперь учебники в начале каждого учебного года просто закачивали нам на планшеты. Тем более что в обучающей программе помимо них использовалось много видео- и аудиоматериалов. Разумеется, гаджеты у нас были самые простенькие, с минимальным набором необходимых функций и без выхода в интернет. Интернетом разрешалось пользоваться только со школьных компьютеров, стоящих в библиотеке, в строго определённые часы. На этих компьютерах был установлен фильтр, блокирующий все сайты, кроме нескольких общеобразовательных. Правда, ходили слухи, что среди старшекурсников отыскивались умельцы, умудряющиеся взламывать эту защиту и скачивать из сети что-нибудь запрещённое. Поэтому у старших воспитанников планшеты время от времени проверялись воспитателями.

И удивительно, что сегодня Марфа Никитовна выдала мне кипу нотных тетрадей и брошюр, а не велела принести планшет для закачивания учебного материала. Тем более что этого материала оказалось много. С нарастающим ужасом я узнала, что кроме постановки вокала и зубрёжки псалмов придётся научиться читать ноты и освоить сольфеджио. А ведь мне, выросшей вдали от всякой культуры, музыканты всегда казались чуть ли не волшебниками, и я даже в самых смелых мечтах не могла представить себя одной из них.

– Пока просто полистай это, пробежись глазами, – посоветовала на прощание Марфа Никитовна, помогая мне удер-

жать увесистую кипу бумаг, – чтобы для начала хотя бы иметь представление, чем мы будем заниматься на уроках.

Это я сейчас и пыталась сделать, но с каждой минутой понимала, что мне не только не становится что-то ясно, но и те очень поверхностные знания о музыке, которыми я обладала, стремительно рушатся. В конце концов, совершенно сбивая с толку, я начала собирать разбросанные листы и запикивать их обратно в папку. Яринка, прекрасно чувствующая моё состояние, сочувственно спросила:

– И когда тебе на урок?

– Буду ходить три раза в неделю, по вторникам, средам, и четвергам, – буркнула я, – После обеда и до полдника. Завтра первое занятие.

– Ну вот, – расстроено отозвалась Яринка, – и что я буду делать одна?

Я только вздохнула. Обычно эти свободные от занятий часы мы посвящали играм, смотрели в общей гостиной телевизор, листали журналы в библиотеке или просто болтали, сидя на подоконнике в дортуаре. В тех же случаях, когда одна из нас оставалась на пролётку, другая скучала в одиночестве. Так что теперь я могла лишь посочувствовать подруге.

Вообще, вся эта затея Дэна уже не казалась мне такой необходимой. Но сделанного не воротишь, и на следующий день, после обеда, я в обнимку со злополучной папкой потащила в церковь, на свой первый музыкальный урок.

Время до понедельника пролетело очень быстро. В субботу и воскресенье нас возили на экскурсию в Сергиев Посад, и это заняло почти все выходные. В будни после школы я занималась в церкви, и не только с обеда до полдника, как планировалось, но и после. Оказалось, что, когда церковь закрывается для всех, там собираются ученицы Марфы Никитовны. Нюра и ещё три приютские девочки, тринадцати-пятнадцати лет. И тогда-то начинается самое интересное.

Если днём на занятиях я учила псалмы и осваивала азы нотной грамоты, то вечером, когда Марфа Никитовна запирали изнутри массивные церковные двери и садилась к фортепиано, мы начинали петь. И пели самые разные песни. В первый вечер сама я молчала и только слушала других, заворожённо глядя, как порхают над чёрно-белыми клавишами пальцы преподавательницы. Во второй начала робко подпевать. А на третий Марфа Никитовна попросила меня спеть остальным «Лето придёт во сне». И я спела медвежью колыбельную, поднявшись на клирос, а девочки и сама Марфа Никитовна громко мне аплодировали. После этого я уже не стеснялась. Нотная грамота тоже оказалась не такой сложной, как показалось вначале. Я обнаружила, что если представлять семь нот в виде разноцветных шариков, которые скачут по пяти таким же разноцветным нитям, то всё запоминается намного легче. Так что в общем и целом была довольна и больше не жалела о принятом решении.

Беспокоила разве что Яринка. Все эти дни она ходила

слишком тихая и задумчивая. И хоть её исколотые пальцы уже зажили, Варвара Петровна не спешила возвращать на свои занятия нерадивую ученицу. Но даже это не радовало мою подругу. А когда я в понедельник засобиралась на встречу с Дэном, Яринка лишь спросила без тени прежнего азарта:

– Мне кричать сойкой, если что?

– Кричи, конечно, – осторожно ответила я и добавила, надеясь поднять её настроение: – А мы с тобой в пятницу пойдём в лес, хорошо? В пятницу у меня не будет занятий.

Но Яринка лишь вяло кивнула.

Прихватив планшет, как и велел Дэн, я направилась к пруду, на берегу которого и устроилась, притворившись, будто читаю. В тёплую погоду после уроков многие так делали, и территория приюта пестрела сидящими на скамейках и газонах воспитанниками. Опустив голову, я исподлобья поглядывала вокруг, а улучив момент, когда никого не оказалась поблизости, поднялась и юркнула в тень деревьев.

Мы с Дэном договорились на шесть часов, но я вышла заранее, боясь, что долго не подвернётся момента незаметно ускользнуть. Однако перестраховка оказалась лишней, и теперь в моём распоряжении оказался лишний час свободы. Который я решила потратить на прогулку по лесу. Никакой стрельбы, никакой беготни и прыжков, просто неспешная ходьба в тишине и уединении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.